

№ 15

22 Декабря 1916 г.

1914 ГОДА

[НАШЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ]

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ



ИЗДАНИЕ
«ОБЩЕСТВА 1914 ГОДА» -
ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ
И БОРЬБА СЪ НѢМЕЦКИМЪ ЗАСИЛЬЕМЪ

ПЕТРОГРАДЪ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1917 ГОДЪ
на еженедѣльный
общественно-политическій и литературный журналъ

„1914 годъ“

БОРЬБА СЪ НѢМЕЦКИМЪ ЗАСИЛЬЕМЪ И ВОЗРОЖДЕНІЕ РОССИИ.

==== ГОДЪ ИЗДАНІЯ ВТОРОЙ. ====

Программа журнала: 1) Передовыя статьи по общимъ вопросамъ борьбы съ нѣмецкимъ засильемъ и возрожденія Россіи. 2) Основныя статьи по тѣмъ же вопросамъ въ областяхъ научной, учебной, до-школьнаго воспитанія торговопромышленной, технической, медицинской, законодательства и права, торговаго мореплаванія, въ области церковно-религіозной и проч. 3) Обзоръ русскій и иностранныхъ. 4) Хроника текущей жизни. 5) Фельетоны. 6) Изъ газетъ и журналовъ. 7) Областный отдѣлъ. Письма изъ провинціи. 8) Лѣтопись Общества 1914 года. 9) Справочный отдѣлъ и друг.

Подписная цѣна на журналъ въ Петроградѣ
съ пересылкой и доставкой на домъ на одинъ
годъ 5 рублей; за городъ: 5 руб. 50 коп.

Цѣна № 30 коп.

Цѣна объявленій:

впередѣ текста за страницу—150 руб.; $\frac{1}{2}$ страницы—
80 руб.; $\frac{1}{4}$ стр.—40 руб.; послѣ текста: страница—100
рублей; $\frac{1}{2}$ страницы—50 руб.; $\frac{1}{4}$ страницы—25 руб.
Обложка 2 и 4 страницъ—200 руб.; $\frac{1}{2}$ стр.—100 руб.;
 $\frac{1}{4}$ стр.—50 руб. Обложка 3 стр.—150 руб.; $\frac{1}{2}$ стр.—
75 руб.; $\frac{1}{4}$ стр.—30 руб.

Адресъ Редакціи и Главной конторы:

Петроградъ, Садовая, 32. Телеф. 273-61.

„1914 ГОДЪ“

«... Помните, что безъ рѣшительной побѣды надъ врагомъ Наша дорогая Россія не можетъ обезпечить себѣ самостоятельной жизни и права на пользование своимъ трудомъ, на развитіе своихъ богатствъ. Проникнитесь поэтому сознаниемъ, что безъ побѣды не можетъ быть и не будетъ мира...»
На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: **НИКОЛАЙ**.
(Изъ приказа по арміи и флоту отъ 31 декабря 1915 г.)

(„НАШЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ“)

**ВОЗРОЖДЕНІЕ РОССИИ И
БОРЬБА СЪ НѢМЕЦКИМЪ
ЗАСИЛЬЕМЪ**

№ 15

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЕРВЫЙ

22 декабря 1916 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

- 1) Отъ редакціи.
- 2) Печальные итоги.
- 3) Звенья жизни. А. Н. Б.
- 4) На зарѣ новыхъ дней. Проф. А. Погодина.
- 5) «Клочекъ ли бумаги?». Политика.
- 6) Героическая Сербія. (Продолженіе). Н. К.
- 7) Въ сочельникъ. Стихотвореніе Сергѣя Михѣева.
- 8) Въ пути. Бориса Лазаревского.
- 9) Лѣтопись «Общества 1914 года». А. Н. В.

Отъ Редакціи.

Съ Новымъ годомъ, читатель!..

Этотъ годъ потрясенная Россія встрѣчаетъ омытая кровью своихъ сыновъ и моремъ жгучихъ, далеко еще не выплаканныхъ слезъ.

Каждый день—новыя жертвы, каждый день—новыя испытанія и чудится измученному сердцу, что не будетъ имъ ни конца, ни края...

Кто-то сказалъ: «счастливы народы, чьи лѣтописи пусты». Пусть такъ. Но такое счастье—особое счастье безмолвной и мертвой могилы, до котораго не много охотниковъ.

Иное счастье—счастье живого существа, всегда переплетенное съ борьбой и страданіемъ. И развѣ не счастье—эта борьба за иное, лучшее будущее, это накопленіе сокровищъ человѣческаго духа, отвѣчающаго искрами сердца на удары судьбы?

О, больше ихъ, этихъ пламенныхъ вспышекъ, этого золота возмущеннаго народнаго чувства и алмазовъ искреннихъ, горячихъ слезъ.

Все это—залогъ обновленія; богатство, собираемое нами для тѣхъ, кто идетъ вельдѣ за нами.

Юная, свѣтлая, чистая и свободная Россія! Это тебѣ наша искупительная жертва!

Какъ сказочная царица, ты, вошедшая на костеръ испытанія съ отвратительными наростами, вся во власти темныхъ силъ, выйдешь изъ пламени прекрасной и чистой навстрѣчу ждущему тебя безоблачному счастью...

Въ наступающіе рождественскіе вечера и ночи будетъ больше теплиться свѣчей передъ скорбными ликами иконъ, чѣмъ горѣтъ ихъ на причудливо украшенныхъ елкахъ...

Пусть молится Русь...

Будетъ больше затаенныхъ, тихихъ рыданій, чѣмъ смѣха.

Пусть прислушается къ нимъ Русь...

Больше чернаго флера, чѣмъ яркихъ цвѣтовъ...

Да преклонится передъ нимъ благодарная Россія.

Намъ не хватало единенія... Мы были разрознены и безсильны. Мы не понимали и не сознавали, что такое значить «быть единымъ народомъ» и чувствовать себя живой частицей его. Въ эту тяжелую годину отливаются не только пушки и ядра. Въ стальную, единую массу отливаются и русскій народъ.

Въ тяжелой хмарѣ, опустившейся на Россію, мы невольно крѣпко соединили другъ съ другомъ руки, и эта живая народная цѣпь растетъ изо дня въ день, охватывая города и села, сливая вмѣстѣ бленіе сердецъ.

Читатель, загляни въ свое собственное сердце! Такъ ли ты одинокъ, какъ былъ, или чувствуешь вокругъ себя не чужихъ, невѣдомыхъ людей, а тѣсно сплоченный, единый и родной народъ?

Выше голову, други! Въ пламени пожарницъ, въ огненномъ крещеніи священной войны за лучшіе идеалы человѣка Россія обрѣла себя и свое народное самосознаніе...

Такии стоимъ мы на порогъ грядущаго Новаго года...

Встрѣтимся ли мы снова за гранью его или вдругъ оборвемъ наши еле начатыя, недоговоренныя рѣчи?

Восемь мѣсяцевъ тому назадъ мы встрѣтились, чуждые другъ другу, мало успѣли сказать другъ другу, а сказать надо много, много, гораздо больше короткаго «прости».

Работаемъ мы въ необычайной обстановкѣ, на непаханной еще литературной новинѣ. Мы вошли въ кругъ новыхъ, сложныхъ, доселѣ не затрагивавшихся вопросовъ. Но ихъ нужно поставить и необходимо разрѣшить, если мы не хотимъ повторить ошибки прошлаго. Мы будемъ продолжать нашу работу съ вѣрой въ русскія силы, расчищая путь-дорогу для новой русской жизни.

Прощай, читатель, если ты не съ нами, и до скорого свиданья въ первомъ январскомъ номерѣ, если намъ другъ съ другомъ по пути.

Въ виду дороговизны бумаги и типографскихъ работъ подписная цѣна на 1917 годъ повышена: для гг. городскихъ подписчиковъ на годъ — 5 руб., на полгода — 3 руб. и для загородныхъ на годъ 5 руб. 50 коп. и на полгода 3 руб. 30 коп.

Петроградъ, 23 декабря.

Печальные итоги. Близится къ окончанію наступающій годъ, близится къ окончанію третій годъ, протекающій подъ знакомъ войны и всѣхъ сопутствующихъ ей обстоятельствъ... Хочется оглянуться на то прошлое, за время котораго «такъ мало прожито, такъ много пережито», хочется и... жутко. И за эту войну, какъ и за японскую, мы ничему не научились, словно исторія не для насъ писана, словно мы не хотимъ или не можемъ понять ее, установить извѣстную зависимость явленій, вывести заключенія изъ уроковъ прошлаго. Какъ тогда, такъ и теперь мы съ вѣрой шли на войну и были увѣрены, что—«шапками закидаемъ»... Вѣдь только въ «шапкахъ» мы и готовы видѣть силу, такъ какъ въ силу организованности, прогресса, технической и культурной подготовленности мы давно извѣрили. Извѣрили не потому, что она у насъ когда нибудь была и не принесла намъ положительныхъ результа-

товъ, а именно потому, что ея у насъ никогда не было...

И вотъ скоро кровавые уроки на поляхъ Галиціи, въ горныхъ проходахъ Карпатъ, въ Польшѣ и Курляндіи доказали намъ, что шапками закидать нѣмцевъ еще труднѣе, чѣмъ японцевъ. За два съ половиною года войны мы во-очію убѣдились, что мало доблести войскъ, чтобы не только разбить врага, но и защитить отъ него собственную землю, что доблести нашихъ сѣрыхъ чудо-богатырей онъ противопоставляетъ, и противопоставляетъ съ большимъ усиліемъ, грозную организованность всего своего государственнаго механизма, техническую подготовленность и проч. Правда, не только мы, но и наши союзники въ эту войну оказались къ ней совершенно неподготовленными, но тамъ... Эхъ, тамъ смѣло сознались въ этой неподготовленности и стали работать, чтобы хоть подъ огнемъ міровой войны, въ грохотъ борьбы и нечеловѣческихъ усилій наверстать то, что было утеряно за долгіе годы мира и военной подготовки! Если Франція не выдержала перваго экзамена на поляхъ Бельгии и Сѣверной Франціи, если она «срѣзлась» и не смогла удержать нашествія тѣхъ «бошей», о реваншѣ надъ которыми мечтала одна половина французскаго общества, тогда какъ другая—думала о необходимости быть готовой ко всякимъ случайностямъ; если ея правительство, которое четыре десятилѣтія обременило народъ тяжелыми налогами во имя боевой подготовки, оказалось несостоятельнымъ и не подготовленнымъ къ борьбѣ того масштаба, который представляетъ современная міровая война,—то она встряхнулась, напрягла всѣ свои живыя силы, объединила въ одномъ порывѣ вчерашнихъ политическихъ противниковъ, вселила одну мысль во всѣ слои, тѣсно спаяла во-едино правительство и общество. И вотъ Франція блестяще сдала переэкзаменовку на поляхъ Марны, а тамъ спѣшно стала сдавать экзаменъ за экзаменомъ. Сомма и Верденъ—блестящія страницы французской исторіи, чудодѣйственное возрожденіе французской промышленности—яркое отраженіе національнаго гения и національной воли, Тома—характерная черта объединенія всѣхъ классовъ французскаго общества и довѣрія правительства ко всѣмъ партіямъ, когда врагъ стоитъ у воротъ...

Что же мы видимъ у насъ? Дезорганизация и развалъ тыла усиливаются съ каждымъ

днемъ! Виновники ихъ—гуляютъ на свободѣ. Судебныя преслѣдованія противъ этихъ героевъ тыла прекращаются или странно измѣняются, какъ по какому-то щучьему велѣнію!.. Никогда, кажется, общество не пользовалось въ глазахъ правительства меньшимъ довѣріемъ, чѣмъ теперь: запрещаются съѣзды земскихъ и городскихъ союзовъ, хотя вездѣ и всюду ощущается продовольственная разруха, хотя власть показала, что справиться съ этой разрухой она безсильна. Грозная телеграмма «безъ всякихъ мотивовъ» замѣняетъ законъ и законность... Государственная Дума изблачиваетъ министерство, наше «объединенное» министерство въ такихъ непростительныхъ промахахъ, что казалось бы ни въ одномъ государствѣ такое министерство послѣ этого не удержалось бы, ну а у насъ?.. Спѣшатъ отпустить неработававшихъ «по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ» депутатовъ—домой на отдыхъ. Безъ нихъ легче и вольготнѣе творить... успокоеніе въ странѣ въ порядкѣ 87 ст., а на большее наша бюрократія и не пытается!.. Однимъ росчеркомъ пера однимъ изъ министровъ мѣняетъ по своему вкусу основные законы (отвѣчать на запросы не ранѣе, какъ черезъ мѣсяць, тогда какъ законъ говоритъ не позднѣе, какъ черезъ мѣсяць), и за это... ничего, продолжаетъ творить циркуляры!

Россия — страна сырья, снабжавшая имъ весь міръ... Такъ характеризуется она въ любомъ экономическомъ учебникѣ. И вотъ оказывается, что это какое-то недоразумѣніе: по крайней мѣрѣ за время войны, когда ея экспортъ совершенно прекратился, когда двухлѣтніе запасы всякаго сырья должны были бы оставаться внутри страны, Россия вдругъ оказалась на положеніи голодающаго мужика. Нѣтъ не только ни сахара, ни мануфактуры, ни галошъ, ни обуви, нѣтъ такихъ насущнѣйшихъ продуктовъ продовольствія, которыхъ у насъ всегда былъ избытокъ: нѣтъ дичи, мяса, масла, нѣтъ молока, сметаны, яицъ, нѣтъ — наконецъ — муки и хлѣба. Съ головокружительной быстротой растетъ дороговизна. Правда, много и зарабатываютъ теперь, но еще больше проживаютъ... Богатѣютъ лишь тѣ мародеры тыла, для которыхъ война — золотое дно, кто съумѣлъ черезъ тегушекъ и разныхъ старцевъ присосѣдиться къ поставкамъ и казеннымъ заказамъ... Вотъ ужъ кому доподлинно живется весело — вольготно на Руси!..

Приближаются праздники. Любить русскій хорошо поѣсть хотѣ въ праздничный день.

Но на все теперь такая цѣна, что не до жиру, быть бы живу. Вотъ нѣсколько цифръ, наглядно свидѣтельствующихъ о той глубокой разрухѣ, которая совершается сейчасъ въ тылу, — цифръ, полученныхъ изъ сопоставленія цѣны передъ Рождествомъ въ Петроградѣ на нѣкоторые предметы питания. Цѣна зайца колебалась въ 1914 году отъ 60 до 80 коп., въ 1915 году — отъ 1 р. 40 к. до 2 р., въ 1916 году — отъ 3 р. до 3 р. 50 к. Такой оцѣнки нашъ бѣдный бѣлякъ и во снѣ не видалъ! Сопоставляя цѣны другихъ продуктовъ, мы можемъ составить слѣдующую таблицу:

	Колебаніе цѣнъ въ копейкахъ.		
	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Мясо черкасское, фунтъ	24—29	28—42	52—135
Телятина	60—80	70—90	120—200
Сливочное масло	65—85	90—120	300—400
Картофель, мѣшокъ	150—250	200—400	600—900
Пшеничная мука, фунтъ	8	10	12 ¹⁾
Горохъ крупный, фунтъ	6—8	11—15	28—45

Таковы цѣны взятыхъ нами на угадъ главнѣйшихъ продуктовъ питания, да и то многихъ изъ нихъ и за эту цѣну нельзя найти... Для борьбы съ дороговизною власти придумываютъ таксы, но... результатъ таксъ только тотъ, что съ введеніемъ ихъ продуктъ совершенно исчезаетъ съ рынка, и только... изъ-подъ полы въ три-дорога продается въ какомъ-нибудь количествѣ. Вотъ одинъ изъ примѣровъ того, какъ за время войны мы съумѣли организовать наши силы.

Посмотримъ теперь, насколько съумѣли мы организовать наши административныя силы для борьбы съ германизмомъ и съ дезорганизацией тыла. Несомнѣнно, что тутъ до нѣкоторой степени проводится совершенно опредѣленная система, что здѣсь приходится говорить о чьей-то таннственной рукѣ... На двухъ противоположныхъ почти концахъ Россіи принимаются одни и тѣ же мѣры. Въ Черниговѣ и въ Твери запрещается чтеніе публичной лекціи о нашей союзницѣ — Франціи. Правда, эта единая мысль и единая воля проводятся губернаторами фонъ-Бюнтингомъ и барономъ фонъ-Гревеницъ. Губернаторъ Курловъ пользовался вполне опредѣленной репутацией друга нѣмцевъ и пришлось-таки его убрать послѣ знаменитыхъ разоблаченій его дѣятельности съ кафедры Гос. Думы. И вотъ внезапно онъ оказывается чѣмъ-то въ родѣ то-

¹⁾ Это официальная цѣна, а неофициальная достигаетъ 50 коп.

варища министра, хотя назначеніе его на эту должность нигдѣ не было опубликовано и хотя даже нашъ Сенатъ отказался опубликовать о его отчисленіи отъ должности товарища министра внутреннихъ дѣлъ, считая, что если можно было назначать съ нарушеніемъ формальнаго закона, то для увольненія — и тѣмъ болѣе... Какія-то безотвѣтственныя вліянія сказываются во всѣхъ назначеніяхъ послѣдняго времени, но въ нихъ одна черта повторяется съ неизмѣнной правильностью: стоитъ какому-либо лицу особенно вооружить противъ себя общественное мнѣніе, потерявъ всякое довѣріе законодательныхъ учреждений, какъ его немедленно выдвигаютъ, повышаютъ, награждаютъ, назначаютъ... Припомнимъ назначеніе Протопопова, награжденіе Питирима или Воейкова... Странно совпадаетъ это съ критикой роли этихъ дѣятелей, сдѣланной въ Гос. Думѣ.

За тяжелыя годы войны правительство и бюрократія ничего не сдѣлали для сближенія съ народомъ и его представителями, ничѣмъ не улучшили своихъ отношеній къ обществу и прессѣ. Нѣтъ, напротивъ, идетъ какое то сплошное надѣвательство надъ всѣмъ, что дорого русской общественной жизни, чѣмъ гордится русское общество... И чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ!..

Раскололась русская жизнь!.. Глубокая пропасть лежитъ между двумя ея половинами далеко не равными, казалось бы, ни по силѣ, ни по значенію... Съ одной стороны этой пропасти стоитъ все русское общество, стоитъ многострадальный русский народъ, стоитъ русская мысль, юное народное представительство, стоитъ законъ, стоитъ даже такое покорное сословіе, какъ дворянство, и такое консервативное учрежденіе, какъ Государственный Совѣтъ... Съ другой стороны — горсть политическихъ авантюристовъ, князь Андронниковъ, Мануевичъ-Мануйловъ, Штюмеръ, Сухомлиновъ, фонъ-Бюнтингъ и имъ подобные... «Отечество въ опасности», — несется съ одного берега предупреждающій возгласъ... «Сначала побѣда, потомъ реформы», невозмутимо усыпляютъ съ другого...

Растетъ недоувѣріе, растетъ озлобленіе, растетъ разруха!..

Властвуютъ темныя силы, во всѣ щели русской жизни проникли ея разрушители и отравители. Шипятъ они на тысячу ладовъ, пресмыкаются передъ самой темной изъ темныхъ личностей русской исторіи... А

жизнь идетъ своимъ чередомъ... Экзамены нашей зрѣлости мы выдерживаемъ все хуже и хуже или — лучше сказать — все безотраднѣе и безотраднѣе проваливаемся на нихъ... Сгущаются тучи: ни страна, ни народъ не хотятъ умирать отъ старческаго маразма, на который обрекаютъ ихъ безотвѣтственныя темныя силы. Пока идетъ глухая борьба... Число недовольныхъ, число отчаявшихся растетъ...

Не одна голыдьба да учащаяся молодежь волнуется и теряетъ терпѣніе. Нѣтъ, четыре выстрѣла по собакамъ въ особнякѣ на Мойкѣ — говорятъ за то, что отчаяніе охватываетъ и тѣ слои, которые всегда оставались спокойными къ государственной разрухѣ...

Куда мы идемъ?

Гдѣ же предѣлы этой разрухи? Когда же начнемъ мы засыпать пропасть между Россіей и правящей горсточкой безотвѣтственныхъ личностей? А пропасть растетъ и ширится! Камень за камнемъ, пласть за пластомъ отваливаются отъ береговъ и расширяютъ открытую бездну...

Катится къ ней Россія и не спасутъ ее, конечно, ни оберъ-камергеры, ни генералы-отъ-кувакерш!

Неужели же она докатится? Неужели не найдется силы, которая остановила бы ее на краю полного и непоправимаго развала?

Бодростью дышатъ наши союзники. Чувствуютъ они, какъ народная сила-матушка переливается у нихъ по жиламъ. Вѣрой и гордостью звучатъ ихъ голоса. Чувствуется дѣйствительная мощь въ нихъ, чувствуется, что тамъ могучими ударами выковывается исторія новаго человѣчества! Ну а у насъ гдѣ же увѣренность, гдѣ почва для вѣры? «Распутница» — вотъ нашъ лозунгъ за все время войны. Подлинно ли, что

Распутница окончена,
Моровами — убита...

Не вѣрится, что прежнюю распутницу не смѣнитъ новая, не вѣрится, что не нужны больше слова Таганцева — «Отечество въ опасности»!..

Звенья жизни.

240¹⁾.

Когда то бессмертный Щедринъ охарактеризовалъ темпъ русскаго прогресса фразой: «писатель — пописываетъ, читатель — почиываетъ». Мы съ тѣхъ поръ, какъ принято

¹⁾ См. № 13—14.

выражаться въ средѣ Маниловыхъ, «шагнули гигантски впередъ какъ въ осуществленіи элементарныхъ условій жизни человѣка двадцатаго столѣтія¹⁾ такъ и въ гражданскомъ самосознаніи народа». Засѣдаетъ Дума. И нѣтъ конца ея рѣчамъ. А дѣло гдѣ? Разобрать по косточкамъ темныя стороны государственной машины и проливать крокодиловы слезы надъ тѣмъ, что сами же своимъ непротивленіемъ злу попустили — это сколько угодно, а вотъ сдѣлать актъ государственной строительной воли хоть съ ноготокъ — на это нѣтъ ни силъ, ни желанья. И выходитъ въ результатъ по-шедрински, къ великому восторгу вчера еще «уважаемаго лидера русской парламентской делегации въ чужія страны» г. Протопопова: Дума помелеваетъ. Не ладно все это. Сколько словъ истрачено — а что Россія отъ этого? За десять лѣтъ существованія Думы въ ея искаженномъ изданіи улучшились ли условія русской гражданственности? Ни на волосъ. Улучшилась ли устойчивость центрального государственнаго распорядительнаго аппарата? Ни на волосъ. Улучшилась ли система расходованія принудительно собираемыхъ народныхъ денегъ? Ни на волосъ. Улучшилось ли положеніе Церкви Православной? Ни на волосъ. Ускорилося ли, улучшилося ли правосудіе? Ни на волосъ. Улучшилось ли взаимоотношеніе власти и народа и классовъ между собой? Ни на волосъ. Подвижилось ли къ осуществленію давно сознанное какъ необходимость, притомъ неотложное — дѣло подчиненія бюрократіи общественности? Ни на волосъ и т. д. и т. д. ad infinitum.

Грустная картина, о которой въ либеральныхъ кругахъ принято, — деликатности къ Милюкову и К—о ради не вспоминать, но которая таится въ сердцѣ каждаго любящаго Россію для нея самой, а не для своего въ ней мѣстечка... Слова, слова, нудные, раздражающіе, бесплодные. Государственные евнухи, оберегающіе гаремъ русской конституціонности въ Г. Думѣ и имя которымъ Милюковъ, Маклаковъ, Крупенскій, Шидловскій, Бобринскій, воображаютъ, что, пошумѣвъ, они дѣло сдѣлали. Сказали нѣсколько рѣчей, разсыпали соль, которую они вчера еще дѣлили съ Протопоповымъ, и успокоились на «дѣловой работѣ» во образъ жвачки волостной реформы, которую, какъ они сами отлично понимаютъ, при «существующей конъюнктурѣ» все равно

въ жизнь провести не позволятъ. Страна страдаетъ невыносимо отъ сознанія своего безвозвѣдья и цѣпляется за третье-июньскую Думу, какъ за соломенку... «Ну же, голубушка, ну же! Понатужься еще маленько! Ну же, смѣлѣе! надо возъ вывезти — не ночевать же въ самомъ дѣлѣ въ ямѣ-то!» И оглаживаетъ народъ, и понукаетъ животину въ надеждѣ, что послушаетъ она его «резоновъ» и понатужится взаправду, взявшись, наконецъ, за дѣло не по-Милюковски «съ подходцемъ», а въ серіозъ, какъ и подобаетъ въ трагическое военное время.

А животина-то, перекормленная и разбухшая, какъ купеческая кобыла, только лѣнливо озирается на хозяина, да изрѣдка, въ отвѣтъ на его ласки, приличія ради махнетъ хвостомъ, согнавъ этимъ нару ужъ черезчуръ назойливыхъ мухъ... Нѣтъ, господа, такъ дальше нельзя. Беритесь сразу же за планомерную созидательную работу — да не секретную, а открытую передъ всѣмъ честнымъ народомъ! Россія увязла, на вась долгъ вывезти ее изъ ямы. Запретились въ закладку, казенный овесъ жуеете — такъ и возъ везите, а не радуйтесь всякому случаю развѣхаться по домамъ и болтать о государственныхъ сплетняхъ вмѣсто того, чтобы предлагать суду народному конкретные выходы и самимъ первымъ подавать примѣръ созидающаго патриотизма, а не развѣдающей выхолащенной критики! Берегитесь, какъ бы хозяинъ-то, видя вашу лѣнь, вмѣсто ласкъ и упрасиваній да не хлестнулъ бы васъ плетью, да такъ, что долго помнить будете! А «ѣтъ сможетъ», коли только вы его разсердите своимъ безплодіемъ и самохвальствомъ!

241.

Такъ называемая «Прусская Воля», нашедшая, какъ извѣстно, тароватыхъ миллионныхъ благодѣтелей, появилась украшенная подписями именъ, еще недавно почитавшихся неподкупными. Какъ и легко было предвидѣть, хитрый органъ взялъ тонъ архи-независимый и прогрессивный. Иначе, конечно, какъ бы можно было и провести доврчиваго россиянина? Даже по отношенію къ г. Протопопову проявлена рѣзкость критики, не вполне обычная по отношенію къ «своему». Появленіе новаго собрата не вызвало длинныхъ комментарий старшихъ братьевъ. Такъ какъ по пословицѣ «все покупается», то, вскорѣ начнутся, весьма вѣроятно, цитированія новой газеты сначала,

¹⁾ А. м. б. вѣрнѣе: двадцатаго числа?

безъ коментаріевъ, а потомъ съ полупохвалами, а потомъ ужъ весьма вѣроятно и прямо сочувственныя. «Въ сущности, чѣмъ плохая газета? Вранья и клеветы въ наши время не оберешься! Зря, видно, облаяли людей!» И несправимо добродушный россиянинъ, «почитывающій» газеты, какъ всегда льстящійся не на качество духовной пищи, а на названія, прописанныя на меню, станеть привыкать къ «содержательному и безпристрастному» органу. Пройдутъ мѣсяцы. Протопоповъ сдѣлается популярнымъ въ Думѣ послѣ того, что и онъ «пострадаетъ за правду». Быстрые въ переменахъ своихъ настроеній обыватели забудутъ все то, что волнуетъ ихъ теперь, и тогда-то, надо думать, постепенно и незамѣтно начнется то, ради чего и создали газету тѣ миллионы, которые были на нее ассигнованы. Великодушно разорвавъ контракты съ тѣми писателями, имена которыхъ были нужны для привлеченія читателей въ началѣ дѣла и которые теперь безъ грандіозныхъ неустоекъ уйти не могутъ, хотя весьма вѣроятно и страстно этого бы хотѣли, вдохновители газеты обезпечатъ себя молчаливымъ содѣйствіемъ той сильнѣйшей шайки, которая образовалась для «спекуляціи на организацію дезорганизаціи» и которая безнаказанно дѣйствуетъ во славу прусскаго короля и своего кармана у всѣхъ на глазахъ. И потечетъ на столбахъ газеты умѣло дозированная инфильтрація того, что необходимо для путаницы русскихъ умовъ и ослабленія антигерманскаго духа. Будетъ сначала прославляться непротивленчество Толстого, потомъ антихристіанское самоутвержденіе Ницше, потомъ Махъ и Штирнеръ, потомъ эгалитарный интернаціонализмъ наряду съ проповѣдью: намъ не нужно англійскаго за-силья, такъ же какъ и нѣмецкаго. И конечно, все это, одобренное достаточной дозой демонстративнаго юдофильства, какъ вѣрнѣйшаго «пачпорта» всякаго уважающаго себя русскаго интеллигентскаго освобожденчества...

Все это въ вѣроятномъ и притомъ недалекомъ будущемъ, какъ предсказываютъ сихъ дѣль знатоки. Не знаю, насколько они правы, но твердо знаю одно, а именно: что такъ же, какъ неприлично было Сухомлинову продавать поставщику люстру въ 1000 р. за 100000 р. потому, будто бы, что сей поставщикъ оказался вдругъ такимъ любителемъ бронзы, что безъ Сухомлиновскаго экземпляра жить долѣе не могъ,—такъ же неприлично продавать монополично свое перо за явно и неприлично преувеличенныя гонорары,

какъ то сдѣлали господа, соблазвившіеся «Русскою Волей» и подписавшіе съ ней неустоечные контракты Шейлоковскаго характера. Право, господа, васъ отъ Сухомлинова и его люстры отдѣляетъ лишь волосокъ. Если по близорукости вы не видите, — то вѣдь другимъ-то видно!

242.

Событія въ Греціи и Румыніи продолжаютъ приводить въ уныніе всякаго, кто привыкъ считаться съ фактами и ихъ послѣдствіями, а не авторитетомъ военныхъ обозрѣвателей, по трафаретамъ которыхъ *что отступленіе, что наступленіе все всегда такъ или иначе означаетъ, что намъ удалось то-то и то-то.* Ужасно и отвратительно дѣйствіе этой грубо-отесашной псевдо-патріотической повседневной лжи. Въ Греціи Константинъ продолжаетъ глумиться надъ союзниками, выжидая лишь сигнала Макензена для того, чтобы встать во главѣ «своихъ» Фессалійскихъ войскъ и, образуя правое крыло германо-болгаръ, начать «карательную экспедицію» противъ бунтовщика Венизелоса на Солунь,—конечно, по заведенному обычаю, безъ какого бы то ни было «объявленія войны союзникамъ», въковымъ покровителямъ Греціи!

Въ то время, какъ цѣной ужасныхъ жертвъ и только въ силу своего несравнимаго героизма сербская армія — послѣдняя карта бѣдной Сербіи! — взяла Монастырь, союзники все еще подмачивались и перестраивались для того, чтобы лучше закрѣпить ея пріобрѣтенія. Въ то время какъ, окрыленные головкружительными успѣхами, войска Макензена форсированными маршами спускаются отъ Скопльа къ Прилипу, не ослабляя одновременно съ этимъ своего натиска и въ Молдавіи и въ Добруджѣ,—союзники все еще торгуются съ «благородными» Итальянцами о цѣнѣ оплаты ихъ помощи черезъ Валлоню и Аргирокастро! Почему мы всегда и во всемъ опаздываемъ? Неужто же забыли великую военную максиму, что элементъ времени есть первый изъ факторовъ, обезпечивающій успѣхъ? Что толку, что мы потомъ до всего додумываемся и плачемся надъ разбитымъ корытомъ, воздѣвая очи горѣ и лепеча о новыхъ испытаніяхъ, тщательно притомъ, какъ водится, замазывая слѣды виновныхъ... Достоиннымъ образомъ высѣченныя приказомъ Государя въ отвѣтъ на неприличныя по формѣ предложенія Вильсона, нѣмцы теперь

съ удвоенной яростью постараются на македонскомъ и м. б. и на нашемъ фронтѣ доказать, что они не ослабѣли, а побѣждаютъ гдѣ и какъ хотятъ... Неужто опять — который уже разъ?! — мы подведемъ сербовъ и во-время не облегчимъ ихъ непосильное бремя? Неужто мы опять опоздаемъ по неумѣнью предвидѣть своевременно? Не умѣющіе предвидѣть — пусть отойдутъ въ сторону. Игра слишкомъ серьезна и ставка слишкомъ велика, чтобы продолжать играть на мѣлокъ.

А. Н. Б.

16 декабря. 1916 г.

На зарѣ новыхъ дней.

Когда въ октябрѣ 1611 года нижегородцы стали организоваться для спасенія Русской земли, было еще далеко отъ окончанія смутнаго времени. Но психологическій конецъ его наступилъ, и послѣдующія событія были возможны только потому, что передъ всей землей ясно стояло сознаніе необходимости борьбы со смутой ради плѣности, единства, величія и независимости родины.

Невольнo приходять въ голову эти мысли, когда видишь, что дѣлается вокругъ. Вышли ли мы уже изъ періода смуты духовной, объединяемся ли мы уже для спасенія родины въ тѣ минуты, когда эти слова о спасеніи родины уже перестали быть словами? И я отвѣчу, не колеблясь: вышли и объединяемся. Какъ могло бы иначе случиться, что Государственная Дума, такая случайная по своему составу, такая далекая отъ дѣйствительнаго собранія «лучшихъ людей» страны, вдругъ нашла общій для себя языкъ, понятный и близкій и всѣмъ намъ. Рѣчи Милюкова и Пуришкевича, гр. Бобринскаго и Аджемова говорятъ объ одномъ и томъ же, обнаруживаютъ по существу то же настроеніе, то же пониманіе, и если «власть законодательная» еще далека отъ дѣйствительнаго вліянія на судьбы государства, то языкъ ея отчетливо уже показываетъ, что періодъ духовной смуты закончился. Мы всѣ требуемъ войны до конца, всѣ требуемъ такого порядка вещей, при которомъ внѣшнее достоинство Россіи и ея національное сознаніе не потерпятъ никакого ущерба. Наше политическое сознаніе организуется.

Говорятъ, что каждый народъ достоинъ своего правительства. Англичане достойны своихъ Ллойд-Джорджей, Китченеровъ, Французы — Клемансо, Жофра и т. д. Чего же мы достойны? Волѣ ли мы достойны Штюрмера, нежели Сазонова, гр. А. А. Бобринскаго на посту министра земледѣлія, нежели Кривошеина или Наумова, А. Д. Протопопова, нежели кн. Щербатова, или,

напротивъ, мы болѣе достойны Кассо, нежели гр. П. Н. Игнатъева? Очевидно, неправильно это разбѣженіе и не каждый народъ достоинъ своего правительства, но иные несутъ его, какъ тяжкій крестъ, на Голгофу своихъ народныхъ страданій.

Говорятъ, что дѣло въ системѣ, а не въ лицахъ. Нѣтъ, и въ лицахъ также, потому что никакая система не должна избирать непременно худшихъ: вѣдь Поливановъ не былъ «предателемъ», какъ Сухомлиновъ, и даже Горемыкинъ не затѣвалъ такихъ предпріятій, какъ нѣкоторые новѣйшіе министры.

Обозрѣвая петербургскій періодъ русской исторіи, невольно спрашиваешь себя: чѣмъ мы собственно держались до сихъ поръ, какъ не развалилась до сихъ поръ Россія, не была разорвана врагами? Какой внутренней идеаль ея сплавлялъ? Петръ Великій былъ еще продолжателемъ той мудрой, идеалистической, національной политики, какую вело Московское царство. А что пошло послѣ него? Когда-нибудь русскій народъ съ горечью вспомнитъ о послѣдующемъ: о войнахъ неизвѣстно, — ради чего, о полномъ неумѣннн разобратся въ томъ, кто друзья и кто враги, о жертвоприношеніи всего лучшаго одному кумиру абсолютизма. Этотъ кумиръ...

На конѣ тяжелоступномъ,
Въ землю втиснувшись упоръ копытъ,
Въ полуснѣ, волненью недоступномъ,
Недвигнимо, сжавъ узду, стоитъ.

В. Брюсовъ, «Три кумира».

Чѣмъ же мы держимся до сихъ поръ? Тѣмъ, что народъ сохранилъ въ глубинѣ своей души старые идеалы, что онъ донесъ ихъ бережно, какъ пасхальную свѣчу, до нашихъ дней.

Московское царство приняло на себя строгую и тяжкую отвѣтственность за православный Востокъ, и народъ нашъ отъ этой отвѣтственности не отказался. И мы, легкомысленные потомки нашихъ строгихъ дѣдовъ, почувствовали еще въ 1908 году вѣлѣніе этого долга, котораго не могъ заглушить весь нашъ диллетантизмъ, воспитанный дрянной, нелѣпой школой, безрелигіозной жизнью, политической несостоятельностью. Посмотрите, что сохранило наши отношенія съ Сербіей, съ Румыніей, съ Греціей? Въ концѣ-концовъ только та связь, которая создалась въ 15—17 вѣкахъ и которая въ глубинѣ народнаго сознанія дошла до насъ.

Но и этотъ пустозвонный диллетантизмъ, я увѣренъ, дѣло прошлое. Смута наша кончается. Наше общество, захваченное войной 1914 года, уже не то прежнее общество. Нѣмцы должны были побѣдить сразу не только для того, чтобы побѣдить, но и для того, чтобы мы не успѣли продумать, съ чѣмъ мы воюемъ и во имя чего.

Каждый лишній мѣсяць войны топить нѣмцевъ все глубже въ нашемъ народномъ сознаниі, и въ науку къ нѣмцамъ, за идеалами, за пониманіемъ жизни мы уже не пойдёмъ. Всѣ поддонки этой души «прямо геттингенской» теперь поднялись; мы увидѣли ее въ заревѣ лувенскихъ пожаровъ, въ развалинахъ реймскаго собора, въ волнахъ удушливыхъ газовъ, въ крови армянъ, вырѣзанныхъ по нѣмецкому рецепту, въ провокаціи Польши.

Если бы кто-нибудь захотѣлъ собрать всю гнусность, на которую способна человѣческая душа, ему слѣдовало бы только проанализировать «геній» современнаго нѣмецкаго культуртрегера. Наше общество, такъ трудно освобождающееся отъ фетишизма фразъ, можетъ быть, еще не сейчасъ рѣшится признаться себѣ, что оно ненавидитъ нѣмцевъ, какъ народъ, но сѣмена этой ненависти глубоко посеяны событіями въ душахъ новаго поколѣнія, и эти всходы, поднимающіеся повсюду: и въ Англии, и въ Канадѣ и въ Бразиліи, и въ Японіи и въ Россіи, вездѣ, гдѣ дышитъ человѣческое стремленіе къ свободѣ и справедливости, эти всходы будутъ страшны для нѣмцевъ. А если бы война продолжалась всего нѣсколько мѣсяцевъ, этого не случилось бы, наша душевная смута не улеглась бы, не создала бы въ тяжкомъ бореніи уже существующаго, но еще не оформленнаго національнаго сознания.

Послѣ войны должна будетъ начаться повсюду новая жизнь. Въ прекрасной статьѣ извѣстный французскій писатель Л. Бертранъ (L. Bertrand. Vers l'unité latine. «Revue des deux Mondes» 15 sept. 1916) говоритъ о томъ, какъ всѣ ходячія представленія о возможности войны, объ ея длительности, объ экономической способности державъ Европы къ войнѣ и т. д. оказались совершенно опровергнуты дѣйствительностью. Мы начинаемъ понимать, что значить «Столѣтняя Война» или «Тридцатилѣтняя война», мы видимъ, что шаблонныя представленія о культурѣ не выдерживаютъ никакой критики. При свѣтѣ пробужденной критической мысли представляются такими фальшивыми желанія «прежнихъ» людей создать одинъ шаблонъ, по которому будто бы развиваются всѣ народы. Право національнаго, самобытнаго развитія основано въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ на своеобразномъ сочетаніи естественныхъ и историческихъ условій. И мы сами, выходя къ свѣту изъ мрака смуты, должны сознать себя, должны понять, что намъ нѣтъ никакой надобности «ровняться» по тому или другому приказу, откуда бы онъ ни вышелъ. Сложимъ свою національную, русскую жизнь.

Послѣ войны неизбежна дальнѣйшая группи-

ровка державъ, ведущихъ войну. Два лагеря, вѣроятно, сохранятся и ихъ отчужденность не скоро пройдетъ. Нашъ лагерь—теперешніе союзники и все славянство, кромѣ болгаръ, пока въ огнѣ искупленія не притворятся и они. Центральныя державы стремятся на Востокъ. Завоеваніе Румыніи можетъ превратить Черное море въ нѣмецкое. (Quarterly Review). Но мы знаемъ, что Черное море будетъ «русскимъ», какъ оно называлось еще въ нашей лѣтописи, а потому громадный политическій подъемъ, связанный съ этимъ обладаніемъ, ждетъ Россію. И на этомъ пути ея національная задача есть, конечно, организація славянства. Прекрасно говорить Бертранъ въ названной мною статьѣ: «на развалинахъ прежняго политическаго интернационала, который кончается отрицаніемъ своихъ собственныхъ принциповъ, подымается новый, которому предстоитъ, повидимому, будущность,—интернационалъ націй, федерація государствъ, имѣющихъ одинаковыя интересы и идеалы. Возникающая новая эпоха требуетъ новыхъ людей. Для насъ, русскихъ, такимъ «интернационаломъ» является прежде всего объединеніе славянскихъ государствъ, для чего теперь наиболѣе подходящий моментъ и надъ чѣмъ мы должны теперь идейно работать.

Кончится война и ключомъ забьетъ наша жизнь. Нужно, чтобы теперь же были выработаны общественнымъ сознаніемъ основы этой будущей жизни. Отчасти они уже выработываются теперь. Такія организаціи, какъ наши славянскіе союзы, земскіи и городской, конечно, должны сохранить свое значеніе; тысячи всѣческихъ кооперативовъ, уже созданныхъ теперь и еще предстоящихъ, новыя школы, возникающія въ военное время и обнаруживающія самымъ своимъ возникновеніемъ удивительную жизнеспособность народа, растущая у людей потребность соединяться съ другими для общей дѣятельности, жадный интересъ всѣхъ классовъ къ словамъ и дѣламъ Государственной Думы и многое другое—все, все говоритъ о томъ, что минувшее время съ іюля 1914 года не было для насъ лихолѣтіемъ, что «тяжкій млатъ» продолжается «ковать булатъ» и что русскій народъ сумѣетъ дать отпоръ тѣмъ, кто оскорбляетъ его народную честь.

Проф. А. Погодинъ.

«Клочекъ ли бумаги?»

Англійскій «Times» въ свое время сообщилъ подробности бесѣды между англійскимъ посломъ въ Берлинѣ, сэромъ Эдуардомъ Гошеномъ, и германскимъ имперскимъ канцлеромъ, г. Ветманъ-

Гольвегомъ. Въ раздраженномъ тонѣ канцлеръ сказалъ: «Не могу понять, почему Англія начинаетъ войну изъ-за *кличка бумаги*, на которомъ нацарапанъ договоръ о нейтралитетѣ Бельгій». На это сэръ Гошенъ возразилъ: «На этомъ клочкѣ бумаги находится подпись Англіи такъ же, какъ и Германіи».

Безспорно, что англійскій посолъ долженъ былъ такъ отвѣтить канцлеру, но въ то же самое время г. Бетманъ-Гольвегъ имѣлъ основаніе усомниться въ томъ, что Англія начнетъ войну только изъ-за «кличка бумаги». Несомнѣнно, что этотъ клочекъ, т. е. принятыя Англіей на себя обязательства, — сыгралъ свою роль, но, конечно, причины объявленія Англіей войны Германіи этимъ не исчерпываются, а имѣютъ еще и другія, не менѣе глубокія основанія. При всемъ своемъ отвращеніи къ войнѣ Англія начала ее потому, что этого потребовали серьезные обстоятельства и доподлинные жизненные интересы королевства. Скрытая неприязнь и глубокая вражда между англичанами и нѣмцами существуетъ не съ сегодняшняго дня и питается собственно не національной рознью, не различіемъ характеровъ этихъ народовъ, а причинами вполне реальными и жизненными, отъ которыхъ зависятъ судьбы государства.

Въ 1895 году въ Берлинѣ вышла интересная книжка подъ названіемъ «Grossdeutschland und Mitteleuropa um das Jahr 1950»¹⁾.

Въ этой книжкѣ анонимный авторъ удачно сгруппировалъ идеи нѣмецкихъ пангерманистовъ и выяснилъ политическія вождѣнія нѣмцевъ. Если мы приведемъ изъ этой книги нѣсколько выдержекъ, то предъ нами будетъ ясна политическая задача, которую ставитъ передъ собой имперія Вильгельма II, а отсюда намъ станетъ понятной и та нѣмецкая опасность, которая заставила Европу дружно сплотиться противъ Германіи, а Англію, рука объ руку съ нами, — объявить ей войну.

Авторъ указанной книги находитъ, что «Германская имперія несовершенна». Несовершенна она потому, что «тамъ насчитывается 21 миллионъ нѣмцевъ, живущихъ за предѣлами имперіи: 2 въ Швейцаріи, 10 — въ Австро-Венгріи, 1 — въ Россіи и 8 миллионъ нѣмцевъ въ Бельгій и Голландіи. Задача наша, — продолжаетъ авторъ, — сводится къ тому, чтобы установить полное единеніе между территориями — лингвистической и политической; только тогда Германія войдетъ въ свои естественныя границы». Каковы же эти границы? — «Каналъ между Сѣвернымъ и Балтійскимъ морями законченъ, и Германіи посему незачѣмъ распространяться на Ютландскій полуостровъ; слѣдовательно, датчанамъ опасаться нечего», и нѣмцы позволяютъ имъ спокойно доить своихъ коровъ. «На западъ граница должна простираться вдоль фламандской земли, Арденнскихъ горъ, Вогевскаго лѣса и Юрскаго кряжа вплоть до Монблана. На югозападѣ Монрозъ, Симплонъ, Готардъ, Сплугенъ, Септимеръ, Малойя, Вернина, Штильфскій Уохъ, Ортлеръ, Адамелло, Брента и цѣпь Доломитскихъ горъ отдѣляютъ

Германію отъ Италіи. На югѣ и на западѣ нѣтъ естественныхъ границъ. Но вотъ уже нѣсколько вѣковъ, какъ нѣмецкій языкъ распространяется по направленію къ морю, изъ чего можно заключить, что распространеніе его будетъ продолжаться и впредь». До какихъ предѣловъ? «Кто можетъ это сказать?»

Авторъ книги, какъ и подобаетъ нѣмцу, скромнѣе, и кромѣ того прекрасно понимаетъ, что все великое создается не сразу, а потому не подлежитъ сомнѣнію, что и Германіи придется не вдругъ, а постепенно приобретать всѣ тѣ территории, которыя впоследствии дадутъ въ итогѣ Великую Германію. Эти территории надо присоединять съ извѣстной послѣдовательностью.

«Въ настоящее же время, — мечтаетъ авторъ, — надо сосредоточить всѣ усилія на Австріи и присоединить ее къ Германской имперіи, хотя бы для этого пришлось повторить событія 1866 года. Обстоятельства складываются благоприятно: распаденіе Габсбургской имперіи неизбежно; оно произойдетъ, лишь только нынѣшній императоръ закроетъ глаза. Славянскія народности будутъ укрошены силой: искусное раздробленіе Габсбургской имперіи будетъ содѣйствовать господству нѣмцевъ. Россія получитъ Галицію и Буковину. Румынія увеличится на счетъ Венгріи. Кронція, Славонія, Далмація, Черногорія, Боснія, Герцеговина образуютъ вмѣстѣ съ Сербіей государство, поставленное въ зависимость отъ Австріи посредствомъ личной унии, а сама Австрія будетъ тѣсно связана съ Германской имперіей. Для того, чтобы очистить путь къ Триесту, обладаніе коимъ необходимо для великой Германіи, придется смирить только чеховъ и словенцевъ».

Эти дѣйствія составляютъ первую часть пангерманистской программы, первый шагъ смѣлаго хитцапка, вторая же заключается въ примѣненіи на практикѣ совѣтовъ Рошера и Робертуса относительно нѣмецкой колонизаціи въ Малой Азіи. Всѣ государства предвидятъ распаденіе Турціи. Германія должна устроиться такъ, чтобы получить значительную часть ея. Неизбѣжная между Германіей и Россіей война завершить это дѣло. Если исходъ ея будетъ благоприятенъ, Германія присоединитъ къ себѣ Балтійскія провинціи: Эстляндію, Лифляндію и Курляндію. Она оснуетъ Польское государство и Русинское королевство, гдѣ будутъ жить евреи и славяне, выселенные изъ великой Германской имперіи.

Въ концѣ-концовъ въ Центральной Европѣ образуются двѣ территориальныя группы: одна изъ нихъ — политическая или, иначе, германскій союзъ, будетъ обнимать нынѣшнюю Германскую имперію, Люксембургъ, Голландію, Бельгію, нѣмецкую Швейцарію и Австро-Венгрію, другая же образуетъ огромный Zollverein (таможенный союзъ). Онъ, кромѣ германскаго союза охватитъ княжества: Балтійскія, Польское королевство, страну Русанъ и расширенныя Румынію и Сербію.

Въ Пангерманіи тогда будетъ жить 86 миллионъ человекъ, а подчиненная ея непосредственному и исключительному торговому влія-

¹⁾ «Великая Германія и Центральная Европа въ 1950 году».

нию экономическая область будетъ заключать въ себѣ 131 миллионъ потребителей.

Конечно, не одни только нѣмцы будутъ населять это вновь образованное государство, но только они одни будутъ *управлять*, они одни будутъ имѣть политическія права, служить во флотъ и армію и обладать правомъ покупки земли. Они, какъ и въ Средніе вѣка, будутъ чувствовать себя господствующимъ народомъ, впрочемъ они снизойдутъ до допущенія къ исполненію черной работы подчиненныхъ имъ иностранцевъ».

Мы не станемъ идти дальше за фантазіей нѣмецкихъ публицистовъ и руководящихъ круговъ Германіи, но и сказаннаго достаточно, чтобы понять, чѣмъ руководятся въ своей высокомерной политикѣ Германіи.

О колониальной политикѣ Германіи мы говорить не будемъ, но для всѣхъ ясна ея программа и въ этой области. Въ германской имперской политикѣ уже много лѣтъ на первомъ планѣ вырисовывается стремленіе расширить свои морскія силы и при ихъ посредствѣ увеличить колоніи имперіи. Конечная цѣль такого напряженія и колоссальныхъ тратъ на флотъ—желаніе создать не только обширную великую Германію въ предѣлахъ Европы, но и превратить ее въ колониальную имперію. Желая захватить міровые рынки, Германія сначала дѣйствовала чисто-мирными путями, при помощи рекламы, комми-воажеровъ, широкаго кредита, торговыхъ поселеній и развитія пароходства. Но этимъ она не ограничилась, и у нея возникла потребность вести «большую» колониальную и морскую политику. Тутъ Германія начинаетъ примѣнять свой обычный способъ дѣйствій. Она захватила Кiao-Чао, вовлекла Россію въ войну съ Японіей, дабы помѣшать дальнѣйшему развитію могущества Японіи и открыть себѣ поле для захватовъ колоній въ Китаѣ и на Дальнемъ Востоцѣ, а имѣетъ съ этимъ подорвать и колониальное господство Англіи. Въ это время германская пресса точно по заказу стала создавать и раздувать непримиримую ненависть къ Англіи. Дѣлала это печать крайне умѣло, упорно, послѣдовательно подкупая и мѣстную національную прессу. За чѣмъ дѣлала это нѣмецкая печать, станетъ вполне понятнымъ, если мы прибавимъ, что въ нѣмецкой прессѣ постоянно говорилось объ успѣшномъ ростѣ нѣмецкаго военнаго флота, и приводились сравненія между числомъ германскихъ и англійскихъ броненосцевъ. Своими угрозами и колониальными захватами Германія принудила Англію всѣми силами вооружаться для того, чтобы быть готовой для защиты своихъ колоній; Германія же тѣмъ временемъ ловко, изподтишка, за кулисами навязала Англіи бурскую войну и искусно интриговала все время противъ Англіи въ Турціи. Желаніе стать господами на Средиземномъ морѣ, на Атлантическомъ океанѣ и на Тихомъ поставило Германію во враждебныя отношенія съ государствами, интересы которыхъ тамъ оказались значительны. Эти государства—Японія и Англія. Мы уже не говоримъ о томъ, что властолюбіе Германіи служитъ угрозой для Испаніи, потому что и ей при господствѣ нѣмцевъ на морѣ придется про-

ститься со своими владѣніями въ Марокко; врядъ ли можетъ быть спокойна и Италія, имѣя въ Африкѣ сосѣдомъ Германію, да и въ самой Европѣ Сицилія очутилась бы подъ дуломъ германскихъ орудій въ Бизертѣ.

«Наше будущее—на морѣ,—говорятъ нѣмцы,—но наше настоящее—между Адриатическимъ и Сѣвернымъ морями». Несомнѣнно, что какъ только нѣмцы сумѣли бы исполнить свою политическую программу, хотя бы въ первой ея стадіи, то Средиземное море превратилось бы во вторую Балтику, т. е. въ нѣмецкое море. Италія, какъ совершенно вѣрно говоритъ парижскій «Темпс», оказалась бы наиболѣе уязвимой изъ державъ Средиземнаго моря, причемъ Генуя и Неаполь находились бы подъ угрозой германскаго флота, а Венеція и Бриндизи—подъ угрозой австрійскаго флота. Въ результатѣ, не только Франція, но также и Италія и Испанія были бы низведены до положенія зависимыхъ государствъ.

Вступивъ въ тройственный союзъ, Италія ничего не выиграла, но очутилась на буксирѣ берлинской политики. Она привязала себя къ воинственной колесницѣ Германіи и должна была волей-неволей бѣжать за ней, стараясь не отстать. Союзъ, не давъ Италіи увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, навязалъ странѣ громадныя, непосильныя ежегодныя расходы на армію, а Германія стала разсматривать Италію не только какъ своего союзника, но и какъ свою провинцію, которая только временно пользуется автономными правами и считаетъ себя независимой. Когда грянула война и надо было рѣшить вопросъ о выступленіи либо на сторонѣ державъ союза, или державъ согласія, то итальянскій народъ, понимая дѣйствительныя свои интересы, примкнулъ къ державамъ согласія. Италія поняла, что интересы страны выиграютъ только лишь отъ соединенія съ Франціей, Россіей и Англіей, и что Италія получить ту полную свободу, которую она не имѣла до сихъ поръ, только въ единеніи съ этими державами.

Прозорливый политикъ, докторъ Ригеръ, въ своей запискѣ, поданной еще Наполеону III, чрезвычайно вѣрно предсказалъ «германскую опасность». «Порячка завоеваній,—сказалъ Ригеръ,—характеризующая германскую расу, возродится неизбежно, какъ только воинственная Пруссія станетъ во главѣ великой германской федераціи».

И въ самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ, какъ Пруссія связала союзныя нѣмецкія государства въ единое цѣлое, она задалась широкими планами завоеваній, приобрѣтеній колоній и постоянной подготовкой къ войнѣ. «До 1870 года,—говоритъ авторъ сочиненія, вышедшаго въ Германіи въ 1892 году,—передъ нами находилась возвышенная задача: пересоздать Германскую имперію. Въ настоящее же время мнѣнія наши раздѣлились насчетъ направленія, котораго слѣдуетъ держаться. Нѣкоторые доводятся тѣмъ, чтобы съ честью сохранить приобрѣтенныя богатства, другіе желаютъ дальнѣйшаго развитія германскаго могущества со всѣми его послѣдствіями. Слѣдуетъ стремиться именно къ этой цѣли. Это стремленіе доставитъ намъ то великое могущество, о которомъ мы мечтаемъ».

По мнѣнію авторовъ безчисленныхъ брошюръ, книгъ и статей о будущей «великой Германіи», надо направить всѣ силы противъ Европы и дѣйствовать исподволь, не отбрасывая никакихъ средствъ, и не быть слишкомъ щепетильными при осуществленіи своей задачи. «Необходимо дѣйствовать, — говоритъ авторъ «Ein deutsches Weltreich»¹⁾. — постепенно до тѣхъ поръ, пока можно будетъ безопасно обнаружить свои батареи. Тогда Европа очутится лицомъ къ лицу съ такимъ положеніемъ дѣлъ, въ которомъ будутъ подготовлены всѣ мельчайшія подробности, и противъ котораго она окажется безсильной».

Политика германскаго правительства все время шла и идетъ въ ногу со сторонниками «великой Германіи» и «мировой политики». Въ своемъ тогстѣ (29 сентября 1894 года), сказанномъ передъ собраніемъ нѣмецкихъ ученыхъ, докторъ Вислиценусъ (ректоръ лейпцигскаго университета), ясно опредѣлилъ духъ новаго направленія: «Германская имперія не есть Германія. Если бы Германія состояла только изъ Германской имперіи, то она была бы слишкомъ мала». Такимъ образомъ, нѣмцы давно уже привыкли къ мысли, что Германію ждетъ исключительное будущее, что она станетъ во главѣ Европы, подчинивъ себѣ другія европейскія страны, что «Германія — держава всемирная» (Weltmacht). Поэтому Германія занялась колониальными пріобрѣтеніями на Тихомъ океанѣ и въ китайскихъ водахъ и подготовкой къ европейской войнѣ. Отсюда и политика императора Вильгельма II получала въ Германіи громкое наименованіе «всемирной политики» (Weltpolitik).

Начавъ «мировую политику», увеличивъ флотъ, захвативъ цѣлый рядъ колоній и работая энергично для того, чтобы превратить и страны Европы въ свои колоніи, Германія, само собою разумѣется, должна была вызвать нескрываемую тревогу въ Англіи и заставить обратить самое серьезное вниманіе на свои дѣйствія, расширеніе и захваты рынковъ, на свою торговую политику и на свое непрекращающееся вооруженіе.

Привыкнувъ къ первенству въ области торговли, Англія не могла безъ рѣшительной борьбы отказать отъ своей первенствующей роли мирового поставщика фабрикатовъ. Между тѣмъ, въ послѣднія десятилѣтія въ лицѣ Германіи Англія увидѣла сильнаго конкурента, начавшаго успѣшно вытѣснять ее съ европейскаго и азіатскаго рынковъ. Экономическое процвѣтаніе Великобританіи до нашего времени покоилось на посреднической и перевозочной торговлѣ между Европой и заокеанскими странами и на превосходствѣ англичанъ въ области промышленнаго производства. Въ послѣднія 25—30 лѣтъ, несомнѣнно, торговое посредничество Англіи постепенно стало уменьшаться, и причиной тому, главнымъ образомъ, развитіе торговли и торговаго флота Германіи. Но послѣдняя соперничаетъ съ Англіей не за одно превосходство въ торговлѣ, но и промышленности. Это соперничество оказалось въ томъ, что товары съ клеймами нѣмецкихъ фирмъ не только заполнили рынки Европы, но перешагнули даже въ пре-

дѣлы самой Англіи и вторглись на англійскій рынокъ, успѣшно конкурируя съ англійскими товарами и находя тамъ все большее и большее число покупателей.

Въ послѣднія 25—30 лѣтъ цѣлый рядъ различныхъ отраслей промышленности перешелъ въ другія страны и въ особенности въ Германію. Анилиновое и другія химическія производства, стеклянная мануфактура, электрическія свѣтильные оборудованія, выработка предметовъ изъ желѣза, разныя спеціальныя машины и ручныя инструменты вырабатываются теперь въ громадныхъ размѣрахъ въ Германіи, и сама Англія выписываетъ ихъ оттуда въ большихъ количествахъ. Словомъ, Германія сдѣлала гигантскіе шаги впередъ въ области промышленности и во многихъ отрасляхъ опередила промышленность великобританскую.

Въ 1897 году англійскимъ консуламъ поручено было опредѣлить точно вторженіе, произведенное промышленными соперниками Англіи на рынки, издавна принадлежавшіе ей. Отчетъ былъ неутѣшительный; на нѣкоторыхъ рынкахъ англійская торговля уменьшилась отъ 20 до 50%. Консулы объяснили, что эти цифры еще недостаточно рисуютъ всю опасность, ибо въ отчетахъ всѣ товары, идущіе изъ англійскихъ портовъ, отгѣчены какъ британскіе. Въ дѣйствительности же значительная часть фабрикатовъ изготовлена на континентѣ и была послана въ Англію единственно лишь для нагрузки на корабли. Еще недавно Англія занимала первое мѣсто, какъ мировой корабельщикъ. 25—30 лѣтъ тому назадъ ей принадлежали 60% торговаго флота на всѣхъ моряхъ; въ 1894 году ее часть опредѣлялась 52%, а въ 1899 году—50%. «Поразителенъ тотъ фактъ, — говоритъ Гобсонъ, — что, несмотря на мировой промышленный подъемъ послѣднихъ лѣтъ и на значительное повышеніе цѣнъ на мировомъ рынкѣ, вывозъ англійскихъ фабрикатовъ или почти не увеличился, или же даже упалъ». По словамъ Гобсона, Германія является чрезвычайно опаснымъ конкурентомъ Англіи и на сушѣ, и на океанѣ. Почти всѣ новыя громадные пассажирскіе океанскіе пароходы принадлежатъ Германіи. Скорость, которую могутъ развить эти пароходы, превосходитъ скорость быстрѣйшихъ англійскихъ кораблей. Консульскіе отчеты говорятъ, что даже рынки въ странахъ съ чисто англійскимъ населеніемъ уходятъ отъ Англіи.

Изъ свѣдѣній, публикуемыхъ англійскимъ департаментомъ торговли, усматривается, что Германія увеличила свой вывозъ на 43%, тогда какъ Англія за то же время (1880—1902 гг.) всего лишь на 11,3%. Съ другой же стороны, притокъ обработанныхъ и полубработанныхъ продуктовъ возрастаетъ въ Великобританіи гораздо быстрѣе, чѣмъ въ Германіи, въ то время, какъ онъ въ указанный періодъ поднялся въ Германіи на 16,5%, въ Великобританіи—41,7%. Англія видитъ, что ее былая увѣренность въ томъ, что обрабатывающая промышленность является исключительнымъ достояніемъ «острова Джонъ Буля», разрушается.

Какъ видимъ, у Англіи не мало причинъ желать ослабленія Германіи и пресѣченія расширенія нѣмецкихъ колоній. Англія серьезно

¹⁾ «Германское мировое государство».

обезпечена падениемъ своего вывоза и замедлениемъ успѣховъ своей промышленности, и въ этомъ она винитъ, главнымъ образомъ, Германию. Но если правящие круги готовы воевать съ нѣмцами по указаннымъ причинамъ, то въ народныхъ массахъ эта война популярна, потому что англичане никогда не отличались любовью къ нѣмцамъ. Англичане, конечно, отлично знаютъ, что если слѣдуетъ опасаться конкуренціи, то не одной Германию, а и Соединенныхъ Штатовъ. Если они полагаютъ, что туча надвигается со стороны Нѣмецкаго моря, то они не могутъ не видѣть, что она идетъ также и изъ-за далекаго горизонта Атлантическаго океана. Однако, торговые и промышленные успѣхи Соединенныхъ Штатовъ Америки хотя и не совсѣмъ пріятны англичанамъ, но не вызываютъ съ ихъ стороны вражды къ американцамъ, и не вызываютъ потому, что въ этомъ случаѣ не затронуто ихъ національное самолюбіе. На американцевъ англичане смотрятъ, какъ на членовъ одной и той же семьи, какъ на своихъ братьевъ, отдѣлившись отъ метрополиса. Успѣхи американцевъ есть успѣхи все той же «англо-саксонской расы». Завоеванія американцевъ въ области промышленности и торговли англійскій народъ склоненъ даже разсматривать, какъ предметъ фамиліальной гордости. Другое дѣло—нѣмцы. Хотя Вильгельмъ II въ своихъ рѣчахъ и любитъ повторять, что нѣмцы состоятъ въ близкомъ, кровномъ родствѣ съ англичанами, но англо-саксы, повидимому, склонны смотреть на нихъ, какъ на самозванныхъ родственниковъ.

Богатая, обширная промышленно-торговая Англія, затратившая колоссальныя деньги въ своихъ колоніяхъ и въ другихъ странахъ, жаждетъ мира, спокойствія, мирной дѣятельности и уменьшенія военныхъ расходовъ. Того же желаютъ и другія страны Европы, но этого не желаетъ Германия. Уменьшенія расходовъ на «вооруженный миръ» желали вмѣстѣ съ Англіей и Франціей, и Россіей. Но въ одной изъ своихъ рѣчей въ рейхстагѣ имперскій канцлеръ Ветманъ-Гольвегъ опредѣленно сказалъ: «Германиа претендуетъ на такое положеніе въ мирѣ, которое соответствуетъ совокупности ея національныхъ силъ, а поэтому и ея боевыя силы должны быть соразмѣрны этой претензіи»... Мы уже знаемъ, каковы «претензіи» Германии, а потому можемъ судить и о тѣхъ размѣрахъ «боевыхъ силъ», которыя желала бы имѣть имперія Вильгельма II въ своемъ распоряженіи.

Приводя свои боевыя силы въ соответствіе со своими «претензіями», Германия вызвала со стороны Англіи колоссальныя расходы на армію и флотъ. Въ 20-лѣтіе съ 1863 по 1884 годъ расходы Англіи въ среднемъ на флотъ равнялись 100 милліонамъ рублей ежегодно, а теперь они дошли до 700 съ лишнимъ милліоновъ. Расходы же на армію 140—160 милліоновъ рублей поднялись до 350 милліоновъ. Рѣшительно всѣ экономисты утверждаютъ, что усиленный ростъ вооруженій и громадныя траты на армію и флотъ дурно отражаются на благосостояніи англійскаго народа, усиливая въ странѣ пауперизмъ и преступленія противъ собственности, налоги увеличались, а вмѣстѣ съ этимъ ослабла и финансовая готовность страны на слу-

чай войны. Вмѣсто погашенія старыхъ долговъ Англія сдѣлала много новыхъ. Въ 1878 году англичане платили 47 марокъ государственныхъ налоговъ, а уже къ 1906 году эта цифра поднялась почти до 100 марокъ, причемъ военный и морской расходъ падаетъ на душу англійскаго населенія въ размѣрѣ 33 марокъ.

Стремленія Германии къ гегемоніи росли и увеличивались во всѣхъ сферахъ міровой жизни. Современный нѣмецъ изъ философа превратился въ предпринимателя и завоевателя и, по выраженію одного великаго оратора, «война сдѣлалась національной промышленностью Пруссіи».

Милитаризмъ въ Германию, ея быстрыя завоеванія европейскихъ и азіатскихъ рынковъ, ея колониальная политика и торговые приемы распространения своихъ товаровъ давно уже обращали на себя въ Англіи самое серьезное вниманіе. Однако, Германия была совершенно увѣрена въ томъ, что Англія не вступитъ въ ряды борющихся, а постарается дипломатическимъ путемъ, пользуясь затрудненіями воюющихъ державъ, получить при дѣлѣжѣ свою долю. Англіи было «невыгодно» воевать, ибо война стоитъ дорого и требуетъ много жертвъ, а Англія настолько умна, что предпочтетъ все, что ей надо, либо купить, либо отчуждать при помощи своей превосходной дипломатіи.

Расчеты Германии не оправдались, Англія поняла всю серьезность положенія и взвѣсила тѣ опасныя послѣдствія, которыя логически вытекаютъ при побѣдѣ Германии, и подняла свой мечъ.

Политикъ.

Героическая Сербія.

(Продолженіе).

Въ концѣ XVIII вѣка сербскія возстанія участились. Есть нѣкоторыя основанія утверждать, что большое вліяніе на подъемъ патриотическихъ чувствъ поработеннаго населенія имѣли два обстоятельства: во-первыхъ, войны между Россіей и Турціей и, во-вторыхъ, — великая французская революція.

Правда, сербы были неграмотны, газетъ въ странѣ не существовало, пути сообщенія, почта— все это, даже въ западной Европѣ, находилось въ зачаточномъ состояніи, поэтому слѣдить за событіями изо дня въ день, какъ это дѣлается нынѣ, сербы не могли. Однако, до нихъ доходили вѣсти, свидѣтельствовавшія о томъ, что турки, эти гордые поработители, вовсе не неуязвимы; успѣхи Суворова и другихъ екатеринянскихъ генераловъ пробуждали надежды среди воинственныхъ сербовъ, ждавшихъ лишь благоприятнаго момента, чтобы ринуться на своихъ притѣснителей. Что же касается до революціи во Франціи, то она наполнила всю Европу громомъ, озарила ее молніями, которыхъ нельзя было не замѣтить даже на Балканскомъ полуостровѣ.

Заколѣбались троны и прежде всего на югѣ— въ Италіи и Испаніи.

Порядокъ вещей, казавшійся неизбѣжнымъ, какъ бы предустановленнымъ съ незапамятныхъ

время, рухнулъ. Притѣснители народовъ на Аппенинскомъ и Пиринейскомъ полуостровахъ исчезли. Это создавало настроеніе, въ высшей степени благоприятное для сербскихъ упований, и въ началѣ 1804 года вспыхнуло возстаніе, продолжавшееся много лѣтъ. Оно привело къ независимости Сербіи.

Это возстаніе казалось полнымъ безуміемъ. Достаточно вспомнить, что Турція была великой и очень могущественной военной державой, превосходно вооруженной для борьбы. Она держала въ своихъ рукахъ не только Сербію, но также Молдавію, Валахію, Болгарію, Грецію, Македонію, не говоря уже объ огромныхъ турецкихъ владѣніяхъ въ Азіи и Африкѣ.

И вотъ, маленькій народъ, затерявшійся въ горахъ, живущій на пространствѣ, равномъ небольшой русской губерніи, безъ оружія, безъ казны, безъ финансовой и государственной организаціи, началъ борьбу въ такое время, когда турецкіе гарнизоны занимали и крѣпости и города на сербской землѣ.

Надо сознаться, сербамъ очень повезло въ выборѣ предводителя. Неграмотный Карагеоргій былъ фигурой исключительной, сумѣвшей стать въ уровень съ грозными событіями своей эпохи, и остаться замѣтной личностью, не смотря на то, что его современниками были такіе люди, какъ Наполеонъ, Александръ I и султанъ Махмудъ II.

По свидѣтельству одного турка, Карагеоргій служилъ чернорабочимъ у его соседа. «Онъ славно рубилъ въ лѣсу и пахалъ въ полѣ; уста держалъ сомкнутыми; говорилъ мало; лицо имѣло темнаго цвѣта, руки и ноги длинныя, путешествовать по странѣ любилъ и днемъ и ночью». Къ этой характеристикѣ современникъ неожиданно прибавляетъ: «но сколько ни было юнаковъ среди нѣмцевъ, сербовъ или турокъ, другого такого я не видѣлъ».

Когда въ началѣ 1804 года герои, затѣвавшіе возстаніе, избрали Карагеоргія вождемъ, онъ протестовалъ, говоря: «не хочу; я человекъ лютый и злой; кто меня не послушаетъ, — убью того на мѣстѣ. Вамъ будетъ противно, а турки, глядя на это, стануть радоваться».

Ему отвѣчали, что такой воевода теперь и нуженъ.

Исторія первыхъ годовъ возстанія есть, въ сущности, исторія подвиговъ Карагеоргія, хотя, разумѣется, дѣлу помогали и другіе выдающіеся воеводы.

Самой замѣчательной чертой описываемыхъ событій является стремленіе сербовъ немедленно, среди титанической борьбы, подъ свистъ пуль и завываніе ядеръ, организовать гражданскій порядокъ на принципѣ свободы и народоправства. Народъ по временамъ созывается на скупщины. Онъ не только совѣтуетъ—онъ рѣшаетъ важнѣйшіе вопросы. Онъ избираетъ 12 сенаторовъ въ помощь Карагеоргію (по числу сербскихъ округовъ).

Эти люди должны были все создать изъ ничего. Для борьбы требовалось оружіе, а его не было; требовался провіантъ; понадобились десятки тысячъ воиновъ и деньги. Приходилось организовать взиманіе налоговъ и правосудіе.

Карагеоргій приказалъ сенату собраться въ

монастырѣ Валявча. Когда эти «сановники» прибыли на мѣсто, то оказалось, что нельзя открыть засѣданія, такъ какъ и сидѣть было не на чемъ. Поспѣшили изготовить столъ, скамейки и начали работу. Для пропитанія сенаторовъ нашлся только ящикъ съ кукурузой. При подобной обстановкѣ приступили они къ дѣлу спасенія родины. Среди разныхъ заботъ не было забыто и о просвѣщеніи народа.

Какими были идеалы сербовъ въ то время, объ этомъ можно судить по любопытному документу, заготовленному Гривевичемъ для прочтенія передъ народомъ и озаглавленному: «Письмо, возбуждающее къ свободѣ».

Авторъ утверждалъ, что задача истинной власти заключается въ томъ, чтобы охранять свободу народа.

Невольно приходитъ въ голову, что подобную власть признали бы даже анархисты.

Въ томъ же «письмѣ» говорилось: «свобода дѣлаетъ старцевъ мудрыми, а молодыхъ людей—храбрыми; она воздвигаетъ руки іереевъ на благословеніе свободной паствы; она помогаетъ путнику въ дорогѣ, земледѣльцу — въ полѣ; при свободѣ родится больше зерна и овощей; въ свободной странѣ ѣдятъ хорошій хлѣбъ и пьютъ доброе вино».

Событія развивались съ необыкновенной быстротой. Удары, наносимые Карагеоргіемъ, вызвали панику среди турокъ; послѣдніе покидали деревни, укрывались въ крѣпостяхъ и защищенныхъ городахъ.

Но скоро и города, и крѣпости стали сдаваться отважнымъ сербскимъ дружинамъ.

Австрія ворко слѣдила за этими событіями, видимо испытывая колебаніе. Съ одной стороны—возстаніе пугало ее, такъ какъ славяне, живущіе на лѣвомъ берегу Дуная, могли также взяться за оружіе, съ другой—затруднительное положеніе Турціи соответствовало видамъ вѣнскаго правительства.

Весной того же 1804 года австрійскій генералъ Жене пріѣхалъ въ Землинъ, чтобы выслушать сербовъ и турокъ, а если удастся, то и примирить ихъ. Сохранилось любопытное описаніе Ненадовича, который вмѣстѣ съ Карагеоргіемъ и Янкой Катичемъ ѣздилъ въ Землинъ для участія въ переговорахъ.

«Насъ провели въ садъ, — пишетъ онъ, — гдѣ уже находился генералъ и дюжина турокъ. Мы сѣли за столъ, причемъ за кресломъ Карагеоргія сталъ его гайдукъ—молодецъ собой, въ красивой одеждѣ и съ длиннымъ ружьемъ въ рукахъ». По словамъ Ненадовича, турки были смущены, когда рѣчь зашла о допущенныхъ ими жестокостяхъ и притѣсненіяхъ. Сербы выставили рядъ требованій экономическихъ и политическихъ. Генералъ Жене, видимо, склонился на ихъ сторону. Но во время разгара переговоровъ необузданный Янко Катичъ, замѣтивъ зарево на сербскомъ берегу Савы, сталъ яростно упрекать турокъ, что они, заманивъ вождей для переговоровъ, распорядились поджечь дома беззащитныхъ жителей. Онъ наступалъ на враговъ, вызывая на единоборство ихъ вождя. Съ своей стороны и генералъ Жене, увидавъ столбы дыма, упреки вѣсивъ въ небо, пришелъ въ негодованіе и разразился упреками противъ турокъ. Тогда

всталъ молчаливый Карагеоргій и заговорилъ: «благодарю васъ, господинъ, за вашу грудь, но миру не бывать. Отнынѣ вы услышите о другихъ дѣлахъ, — о дѣлахъ военныхъ».

Карагеоргій сдержалъ обѣщаніе. Эта попытка къ примиренію имѣла мѣсто на Страстной недѣлѣ, а въ маѣ того же года онъ осадилъ Бѣлградъ, имѣя въ своемъ распоряженіи 35-тысячную армію. Въ началѣ возстанія сербамъ благоприятствовало отсутствіе солидарности между Константинополемъ и турками, усмирявшими возстаніе. Султанъ былъ недоволенъ янычарами. Въ его планы вовсе не входила система притѣсненій и жестокостей, вызывавшая мятежи и связанная съ ними хлопоты и расходы. Поэтому онъ дѣлалъ рѣшительные шаги для примиренія съ возставшими. Борьба на короткое время затихала, потомъ возобновлялась съ удвоенной отвагой.

Въ декабрѣ 1806 года Карагеоргій, послѣ страшнаго кровопролитія, взялъ Бѣлградъ, а черезъ два мѣсяца ему сдалась и бѣлградская цитадель.

Россия не помогала возстанію. Въ 1805 году она неудачно спасала Австрію подъ Аустерлицемъ, а черезъ полтора года — Пруссію подъ Прейсишъ-Эйлау, подъ Фридландомъ и наконецъ въ Тильзитѣ. Военный геній Наполеона задалъ большую работу и дипломатамъ, и полководцамъ. Возстаніе героическихъ сербовъ проходило почти незамѣтнымъ.

Еще въ 1804 году они отправили депутацію къ русскому царю. По условіямъ того времени она ѣхала медленно и очень конспиративно. Узнавъ, что въ Подольской губерніи цесаревичъ Константинъ Павловичъ инспектируетъ войска, сербы явились къ нему, но великій князь коротко сказалъ: «бумаги у васъ есть? — Ну, такъ поѣзжайте въ Петербургъ».

Императоръ Александръ заинтересовался сербами и черезъ Чарторижскаго узнавалъ отъ нихъ, какія изъ турецкихъ крѣпостей снабжены гарнизономъ, какова его численность и т. д. Онъ въ заключеніе велѣлъ передать, что не можетъ помочь, такъ какъ Россія находится въ мирѣ съ турками.

Однако, спустя нѣсколько лѣтъ, когда отношенія между Петербургомъ и Константинополемъ испортились, закипѣла война; въ Бѣлградъ былъ присланъ русскій полкъ и скудная денежная помощь.

Имѣя такую мощную союзницу, какъ Россія, сербы съ удвоенной энергіей бросились на турокъ. Но дѣло кончилось ужасной трагедіей.

Въ 1812 году Россія готовилась встрѣтить полчища Наполеона, она должна была спѣшно отозвать всѣ войска, выставленныя противъ турокъ, и поторопилась заключить съ ними Бухарестскій миръ. При этомъ голосъ благороднаго сербскаго народа не былъ выслушанъ. — Героевъ покинули на произволъ мстительныхъ турокъ.

Правда, по Бухарестскому договору султанъ обязывался объявить помилованіе всѣмъ участникамъ возстанія.

Но, во-первыхъ — сербы хотѣли не помилованія, а свободы, и, во-вторыхъ — помилованіе явилось бы наградой за выполненіе тяжелыхъ и даже невозможныхъ обязательствъ, возложен-

ныхъ на нихъ русскими. Сербы должны были возвратить туркамъ всѣ крѣпости и отдать все оружіе. Но они предпочли отдать жизнь. И тогда произошла катастрофа. Всѣ военные ресурсы, служившіе туркамъ въ борьбѣ противъ Россіи, были направлены въ Сербію. Бухарестскій миръ развязалъ турецкому правительству руки. Полки и цѣлыя арміи, мобилизованные для борьбы съ такимъ серьезнымъ противникомъ, какъ русскіе, ринулись на сербовъ, не признававшихъ Бухарестскаго договора, заключеннаго безъ ихъ участія.

Военный геній Карагеоргія не могъ компенсировать явнаго неравенства силъ. Послѣ частичнаго успѣха сербы были вынуждены спасаться, отступая предъ врагомъ, который не щадилъ и мирнаго населенія. Началась паника. Народъ искалъ спасенія, переправляясь черезъ Саву и Дунай въ Австрію. Но педантизмъ и жестокость австрійскихъ властей не убавили горя бѣглецовъ. По словамъ современниковъ, сербовъ держали на рукахъ младенцевъ и ждали помощи, которая ни откуда не являлась. Начались боленны и усиленная смертность.

Карагеоргій, тоже бѣжавшій въ Австрію, подвергся аресту. Онъ гордо держалъ себя въ этихъ новыхъ тяжелыхъ условіяхъ жизни, и къ великой досадѣ австрійцевъ твердо заявлялъ, что сохраняетъ вѣрность Россіи, какъ союзницѣ.

Турецкое нашествіе сметало на своемъ пути все населеніе Сербіи, неистовство турокъ не знало предѣла. Но въ горахъ кое-гдѣ, среди неприступныхъ утесовъ, сербы еще дышали и даже готовились къ новой борьбѣ.

Центральной фигурой этого періода является Милошъ Обреновичъ, такъ же неграмотный и столь же мужественный, какъ Карагеоргій. Милошъ пассивалъ предъ геніемъ послѣдняго, но его огромная заслуга заключается въ томъ, что въ столь роковую минуту онъ не палъ духомъ.

Не останавливаясь подробно на событіяхъ того времени, я лишь напомню, что Милошъ, спасая положеніе, былъ вынужденъ то мириться съ турками, то прибѣгать къ кровавымъ возстаніямъ.

Однажды бѣлградскій паша, проницательно подчёркивая покорность Милоша, напомнилъ, какъ послѣдній гналъ его во время сраженія и жестоко ранилъ въ руку.

Въ отвѣтъ Милошъ скромно пробормоталъ: «зато теперь я позолочу ее»...

Порою возстаніе казалось совершенно безнадежнымъ: въ одномъ сраженіи, въ которомъ подавляющія силы турокъ были на лицо, Милошъ восклицалъ: «впередъ за мною! Конечно, мы вѣроятно погибнемъ, но если отступимъ, то уже погибнемъ безъ всякаго сомнѣнія. Гдѣ спасутся бѣглецы?»

Эта рѣчь, внушенная и отвагой и отчаяніемъ, служила показателемъ того безвыходнаго положенія, въ какомъ находились сербы. Бывали случаи, когда руки опускались у самыхъ храбрыхъ. Даже Милошъ однажды почувствовалъ невозможность дальнѣйшей борьбы. Онъ вернулся домой растерянный, готовый прекратить сопро-

тивленіе, и встрѣтилъ неожиданный протестъ со стороны жены, героизмъ которой торжествовалъ надъ всѣми опасностями. Она встрѣтила мужа насмѣшками, убѣдила его вновь взяться за оружіе и въ заключеніе объявила, что ни одна женщина изъ ихъ семьи не будетъ обезпечена врагами, такъ какъ она уже приняла свои мѣры, т. е. получила клятвенное обѣщаніе отъ стараго слуги зарѣзать ее, всѣхъ дочерей и невѣстокъ при приближеніи турокъ.

Слушая жену, Милошъ вновь воспрянулъ духомъ и устремился навстрѣчу новымъ опасностямъ и новымъ подвигамъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. К.

ВЪ СОЧЕЛЬНИКЪ.

I.

Замолкли пушечь разговоры,
Заснула даль въ морозномъ снѣ
И только чуткіе дозоры
Боятся вѣрять тишинѣ...

Снѣгъ твердъ, какъ кованые латы...
Окопы — длинный рядъ тесмы...
А въ нихъ звучать смиренно-святые
Христу солдатскіе псалмы...

Онъ нынче щедрою рукою
Раскинулъ звѣзды надъ землей,
И сколько ласки и покою
Льетъ въ сердце свѣтъ ихъ голубой.

Онъ озарилъ зеленый ельникъ,
Застыль улыбками во льду
И каждый взоръ нашель въ Сочельникъ
Свою напутную звѣзду.

Съ ней каждый шель въ ночныя дали,
Стучался у родныхъ дверей,
И слышалъ дѣвичьи печали,
И видѣлъ слезы матерей...

Лишь на зарѣ, когда осколки
Уронитъ воюющій снарядъ,
Спадетъ нарядъ съ небесной елки
И звѣзды-свѣчи догорятъ.

II.

Весь небосклонъ въ серебряномъ туманѣ,
А вдалькъ мой деревенскій домъ.
Среди снѣговъ я одинокій странникъ,
Завороженный дѣтскимъ колдовствомъ.

И взоры звѣздъ съ мерцающею тайной,
И хрусткій снѣгъ и ласковая даль —
Для сердца чуткаго сіяютъ не случайно:
Чего-то ждешь... Чего-то нѣжно жаль...

Я весь какимъ-то тихимъ счастьемъ боленъ,
И на рукахъ не чувствую оковъ,

А вѣжный гулъ далекихъ колоколенъ
Дасть напѣвъ восторгу робкихъ словъ.

Они текутъ серебрянымъ ключомъ
Предъ міровымъ великимъ Алтаремъ:

„Въ Тебѣ, Господь, мои надежды,
„Въ Тебѣ улыбки и привѣтъ,
„И на измученныя вѣжды
„Лишь отъ Тебя, Господь, какъ прежде,
„Ложится вѣчной правды свѣтъ...

„Въ Тебѣ день съ ночью голубою,
„Въ Тебѣ псканій всѣхъ исходъ,
„И предъ Тобой съ одной мольбою
„Славянство, слитое судьбою,
„Склонилось въ этотъ черный годъ“.

Волшебный сонъ, къ моей душѣ смиренной,
Какъ радостный Христосъ, идетъ издалека
И передъ церковью, свѣчами озаренной,
Любовно креститъ лобъ рука...

Сергѣй Михѣевъ.

Въ пути.

Сначала мы ѣхали въ очень хорошемъ поѣздѣ, съ вагономъ-рестораномъ. Среди разнообразной публики не чувствовалось одиночества, даже о войнѣ говорили мало. Но черезъ сутки уже пришлось пересѣсть въ безплаткартные вагоны, и какъ-то яснѣе стало, что всѣ мы приближаемся къ серьезному дѣлу. Мужчины и женщины стали молчаливѣе. Офицеры много курили, а сестры милосердія, какъ будто, постарѣли. И костюмы измѣнились, можетъ быть, потому, что на дворѣ вдругъ задулъ холодный ноябрьскій вѣтеръ. Я тоже надѣлъ полушубокъ съ чиновничьими погонами и оленью шапку.

Утромъ на одной изъ станцій захотѣлось умыться. Въ уборной вагона уже давно не было воды и, взглянувъ на себя въ зеркало, я увидѣлъ помятое лицо и неуклюжую фигуру, совсѣмъ не похожую на пассажира перваго класса. Въ кіоскѣ продавались однѣ провинціальныя газеты, наполненныя очень старыми новостями, а въ буфетѣ оказался только очень плохой кофе и не аппетитные пирожки.росло желаніе какъ можно скорѣе доѣхать до мѣста назначенія, но поѣздъ стоялъ очень долго. Тануло впередъ увидѣть новую для меня жизнь въ маленькомъ, находящемся въ районѣ военныхъ дѣйствій, городкѣ. Я зналъ, что придется много работать, и даже радовался, что не будетъ времени думать о своей личной жизни.

А сейчасъ, отъ невольнаго бездѣлья, вниманіе останавливалось на окружающихъ людяхъ. Отъ самаго Петрограда въ нашѣмъ вагонѣ, и

даже въ одномъ со мною купѣ ѣхала очень красивая и очень серьезная сестра милосердія. Цѣлую дорогу она молчала и читала. Но въ каждомъ движеніи ея выхоланныхъ рукъ, въ каждомъ поднятіи чудесныхъ рѣсеницъ, въ поворотѣ головы чувствовались порога и хорошее воспитаніе. Не заглядывая въ ея книжку, я не сомнѣвался, что сестра читаетъ по-англійски и принадлежитъ къ аристократической фамиліи. Выраженіе ея лица нельзя было назвать страдальческимъ, тѣмъ не менѣе видно было, что передъ этой поѣздкой дѣвушка пережила что-то не легкое, можетъ быть, не пускали ее изъ дому, можетъ — разсталась съ женихомъ.

Ея одежда была проста и удобна, но, начиная съ косынки и до ботинокъ, все новое, изъ дорогого матеріала и великолѣпно спитое. Такими же элегантными были и ея небольшой чемоданчикъ, и несесеръ и браслетные часы.

Ничего лишняго. Спала она, не раздѣваясь, но и на другой день ея коломянковое сѣрое платье не казалось измятымъ.

И замѣтилъ я еще въ ея не по-женски умныхъ глазахъ не то, чтобы презрѣніе, а такъ, какую-то снисходительность, когда она смотрѣла на меня, уже не молодого, растрептѣвшаго. Вѣроятно, я рисовался ей какимъ-нибудь мелкимъ канцеляристомъ или помощникомъ помощника чего-то, во всякомъ случаѣ, человѣкомъ мало интеллигентнымъ.

Третьимъ нашимъ попутчикомъ былъ отставной полковникъ съ болѣзью сердца. Просовываясь въ дверь купѣ, онъ тяжело дышалъ, а ночью громко храпѣлъ, чмокалъ губами и бормоталъ какія-то слова. Четвертый спутникъ — докторъ, усталый и серьезный человѣкъ; онъ сѣлъ въ Кіевѣ, и какъ будто ненавидѣлъ всѣхъ насъ троихъ.

Вообще, купѣ собралось молчаливое.

Два молоденькихъ кавалерійскихъ прапорщика изъ другого отдѣленія нѣсколько разъ пытались заговорить съ нашей сестрой милосердія. Но изъ этого ничего не вышло. Она отвѣтила имъ очень коротко и затворила дверь.

Сестра не запрещала курить, и наше купѣ, кажется, было для курящихъ, но всѣ мы выходили съ папиросами въ корридорчикъ. И не стовариваясь. Было что-то царственное въ ея фигурѣ, когда дѣвушка глядѣла въ окно или гуляла по станціонной платформѣ.

Я невольно слѣдилъ за нею и думалъ: «Гдѣ тотъ, и кто тотъ счастливецъ, который когда-нибудь будетъ имѣть право обнять эту чордую талію и прижаться своимъ лицомъ къ этимъ нѣжнымъ щекамъ?..»

Всѣ мы надѣялись завтра утромъ быть уже на мѣстѣ назначенія, однако, ночью гдѣ-то впе-

реди что-то случилось, и мы простояли цѣлыхъ шесть часовъ возлѣ крохотной станціи, на которой даже нельзя было достать кипятку. Мои попутчики спали, а я входилъ и выходилъ въ корридорчикъ и безъ конца курилъ. Наконецъ, легъ на свое верхнее мѣсто и рѣшилъ заставить себя заснуть. Наискосокъ, внизу, мирно покоилось едва освѣщенное прекрасное лицо сестры. Пламя огарка въ фонарѣ колебалось, и я видѣлъ то черную бровь, то строгій профиль, то полураскрытыя, но и во снѣ серьезныя губки.

Кто снится ей? — думалъ я и ничего не могъ придумать.

Не помню уже, съ какими мыслями, наконецъ, задремалъ и я и увидѣлъ себя гдѣ-то въ полѣ, на краю желѣзнодорожной насыпи. Справа поднимался гранитный откосъ, а слѣва былъ крутой и глубокій обрывъ, поросшій уже безлиственнымъ кустарникомъ. Еще ниже видѣлись соломенные крыши далекой малороссійской деревни.

Рельсы закруглялись на подъемѣ. Стараясь сообразить, какъ и зачѣмъ я сюда попалъ, я пошелъ впередъ по откосу и дошелъ до прямого пути. Теперь справа и слѣва были лиственный лѣсъ, кое-гдѣ на дубахъ желтѣли листья. Память мнѣ говорила, что я долженъ находиться въ Подольской губерніи, но въ то же время мѣстность была очень похожа на лѣсъ возлѣ станціи «Козлова-Засѣка», недалеко отъ Ясной Поляны. И я не очень удивился, когда увидѣлъ сидѣвшаго на срубленномъ деревѣ Льва Николаевича Толстого. Не удивился, но испугался и подумалъ: «Да, вѣдь, онъ же умеръ». И вдругъ я почувствовалъ, что великій старикъ знаетъ всѣ мои мысли, знаетъ, какъ мрачно гляжу въ будущее и какъ глубоко увѣренъ въ томъ, что уже до самой смерти не переживу ни одного момента настоящаго личнаго счастья. Еще страшнѣе стало, когда встрѣтился съ его молодыми сѣрыми глазами и услышалъ голосъ, которымъ онъ говорилъ со мной пятнадцать лѣтъ назадъ: «Не безпокойся о завтрашнемъ, ибо нѣтъ завтра, а есть только нынче, живи для него, и если твое нынче хорошо, то оно добро всегда».

Я такъ смутился, обрадовался и хотѣлъ подойти къ великому старику поближе и... проснулся.

Въ вагонѣ было холодно, стекла запотѣли и покраснѣли подъ лучами восточнаго солнца. Сестра и докторъ на нижнихъ скамейкахъ спали, а мой vis-a-vis по верхнему мѣсту что-то бормоталъ. Я снова вышелъ въ корридорчикъ и закурилъ папиросу. Свѣжесть и бодрость утра проникли въ душу, и пріятно было

вспомнить свой сонъ. Хотѣлось думать, что онъ не просто, и меня ждетъ что-то очень хорошее.

Я самъ улыбался своимъ мыслямъ.

Въ восемь часовъ утра случилась новая пере- садка, и мы опять простояли около трехъ часовъ, но на этотъ разъ уже на большой станціи, гдѣ даже оказались горячія котлеты. Пассажиры размѣстились за длиннымъ столомъ—ѣли и пили. Вдали отъ всѣхъ сѣла моя спутница-сестра, нахмурилась и медленно пила ложечкой кофе. Бѣлая косынка чуть сбилась на сторону и прядка рыжеватыхъ волосъ спустилась на бровь. Дѣвчушка положила ложечку и откинулась на спинку стула. Опять задумалась. И было видно, что не кокетничаетъ. Я медленно прошелъ мимо и по- глядѣлъ на нее, можетъ быть, слишкомъ внима- тельно; она, въ свою очередь, покосилась, а я снова почувствовалъ, какъ она не то прези- раетъ, не то жадѣетъ меня и, во всякомъ слу- чаѣ, считаетъ какимъ-то низшимъ существомъ, какъ будто, имѣя на это нѣкоторое право.

Подали къ платформѣ новый поѣздъ съ ма- ленькими и неудобными, стараго образца, ваго- нами. И кондуктора были новые. Вѣроятно, для соблюденія порядка въ каждомъ вагонѣ открыли только одну дверь и мы кое-какъ размѣстились.

И снова я и сестра попали въ одинъ вагонъ и даже на одинъ диванчикъ. Мнѣ не хотѣлось, чтобы она подумала, будто я сдѣлалъ это на- рочно, и я выпелъ на площадку, попробовалъ опустить окно, но рама оказалась заклепанной. Поѣздъ шелъ ужасно медленно и на гору, — не скорѣе двадцати пяти верстъ въ часъ. Это злило и мучило. Я замѣтилъ, что справа возвышался откосъ, а слѣва зияла пропасть, желтѣлъ ку- старникъ и виднѣлись соломенные крыши дале- кихъ малороссійскихъ хатъ, и подумалось: «со- всѣмъ такъ, какъ сегодня видѣлъ во снѣ,—очень странное совпаденіе».

Должно быть, подъемъ все увеличивался, по- тому что съ каждой минутой поѣздъ шелъ все медленнѣе и медленнѣе и, наконецъ, совсѣмъ остановился. Хохолъ, главный кондукторъ, съ величайшимъ равнодушіемъ объяснилъ, что испортились тормоза, пропускаютъ воздухъ, и пока ихъ не исправятъ, двинуться дальше не- возможно, а когда исправятъ—объ это знаютъ только машинистъ и слесарь.

Было очень досадно услышать такую новость за два, за три часа до конечнаго пункта. День былъ солнечный, безвѣтренный, но холодный. Почти всѣ пассажиры, въ томъ числѣ и я, вышли изъ вагоновъ, гуляли вдоль насыпи и любовались необычнымъ для сѣверянъ пейзажемъ.

Медленно прохаживалась, отдѣльно отъ всѣхъ, сестра милосердія. Задыхающійся полковникъ,

поминутно кашляя, требовалъ, чтобы кондукторъ ему сказалъ навѣрное, когда мы поѣдемъ дальше, а тотъ, хотя и вытягивался по-солдатски, но отвѣчалъ нараспѣвъ:

— Я объ томъ неизвѣстенъ.

— А кто жъ извѣстенъ?

— А Богъ его знаетъ, какъ Богъ дастъ, такъ и будетъ...

— Ты мнѣ скажи свой номеръ...

— У насъ нема номерей, мы безъ номерей..

Мнѣ надоѣло слушать эти безцѣльные вопросы и философскіе отвѣты, и я отошелъ къ послѣд- нему вагону, а затѣмъ и дальше.

Заложивъ руки назадъ и высоко поднявъ головку, ко мнѣ навстрѣчу шла сестра. Въ двухъ или въ трехъ саженьяхъ отъ послѣдняго вагона я посторонился, далъ ей дорогу, посмотрѣлъ влѣво и съ ужасомъ замѣтилъ, что поѣздъ дви- гается, какъ-то невольнo подбѣжалъ къ сестрѣ и закричалъ:

— Поспѣшите, иначе мы останемся...

Она вздрогнула, взглянула на меня, затѣмъ на послѣдній вагонъ и мы вмѣстѣ побѣжали за нимъ. Какъ ни медленно двигался поѣздъ, но вскочить прямо съ земли на высокую ступеньку было очень не легко, а для моей спутницы почти невозможно. Тогда я, уже не разсуждая, схва- тилъ ее за талию и, самъ шагая, поднялъ какъ можно выше и приказалъ:

— Хватайтесь за поручни.

Это ей удалось, а я больно ушибъ колѣно, пока вспрыгнулъ. Но, къ нашему великому ужасу, дверь на площадку оказалась запертой. Я сту- чалъ ногой, кричалъ, но тщетно. Сестра стояла впереди меня и вцѣпилась обѣими руками въ мѣдную ручку двери, а мнѣ пришлось, разста- вивъ обѣ руки, держаться за стальные, холод- ные, какъ ледъ, поручни. Должно быть, подѣ- емъ кончился и поѣздъ началъ усиливать ходъ.

— Ради Бога, выдумайте что-нибудь,—прошеп- тала сестра, обернулась и коснулась своимъ нѣжнымъ личикомъ моей бороды.

— Я попробую разбить стекло,—отвѣтилъ я.

И дѣйствительно попробовалъ, но безуспѣшно, вѣроятно, потому, что я могъ дѣйствовать только одной рукой. Можетъ быть, это было какое-ни- будь необыкновенное стекло... Моя шапка оста- лась въ вагонѣ. Чѣмъ быстрѣе бѣжали мои мысли, тѣмъ меньше я могъ сообразить, что дѣлать.

— Еслибъ я хоть могла надѣть перчатки,— простонала сестра.

— И у меня руки леденѣютъ...

— Неужели кондукторъ не придетъ?

Я ничего не отвѣтилъ. Было ясно, что ми- нуть черезъ десять, а можетъ быть и раньше, и я, и эта неизвѣстная милая дѣвчушка кувыр-

немся внизъ и врядь-ли отдѣлаемся только ушибами, потому что поѣздъ летѣлъ, точно курьерскій, вѣроятно, стараясь нагнать опозданіе.

Казалось бы, что есть надежда на близкую остановку, но впереди не видно было ничего кромѣ деревьевъ.

Я никогда не былъ преступникомъ и тѣмъ болѣе не могъ вообразить себя въ роли приговореннаго къ смертной казни. А теперь я вдругъ понялъ весь ужасъ человѣка, невинно осужденнаго на смерть, вмѣстѣ съ милымъ, прекраснымъ существомъ, которому бы только жить и жить. И почувствовалъ, что теперь она, гордая, неприступная, для меня и физически и психически ближе всѣхъ родныхъ и ближе всѣхъ женщинъ на свѣтѣ. И я ей...

Тоненькіе, бывшіе раньше розовыми, пальчиками посинѣли, я видѣлъ, какъ то закрываются, то открываются ея глаза, точно у равеной птицы, и отклоняется назадъ вся ея головка. Мое лицо, должно быть, отъ вѣтра и отъ волненія горѣло и, несмотря на всю безысходность положенія, я испытывалъ радость отъ того, что нѣжная кожа ея щеки постоянно прикасалась къ моей щекѣ. Вся душа сжалась сладкимъ отчаяніемъ. Я уже не ощущалъ своихъ рукъ, такъ онѣ одеревянѣли и оклякли. Ноги сестры подгибались.

— Пустите свои руки и обопритесь на меня, прошептала я ей въ самое ухо, я еще могу держаться...

— А я уже не могу... И съ хриплымъ отчаяніемъ въ голосѣ она вдругъ добавила:—ну, что-жъ, умремъ вмѣстѣ...

Не будь сестры, я бы даже могъ съѣсть на ступенькѣ, но теперь было совсѣмъ ясно, что или мы оба будемъ спасены какимъ-нибудь чудомъ или, что было вѣрнѣе, оба погибнемъ. И быстро, какъ электрическій токъ, промелькнула мысль о томъ, что если мы разобьемся, то ящи имена будутъ написаны вмѣстѣ, и, пожалуй, найдутся люди, которымъ вся эта исторія покажется романтическимъ происшествіемъ.

Вдругъ за стекломъ показалась голова кондуктора и все его круглое, какъ луна, лицо выразило недоумѣніе. Тогда я опять началъ кричать и не слышалъ собственного голоса.

— Отвори, отвори, отвори!..

Круглая, глупая голова снова исчезла.

Я сообразилъ, что онъ побѣждалъ за ключомъ. И отъ сознанія, что спасеніе близко, силы мои вдругъ вернулись. Я держался уже только одной правой рукой, а лѣвой крѣпко обнялъ и прижалъ къ себѣ милую, самую близкую, еще неизвѣстную, уже находившуюся въ полубомбочномъ состояніи.

Когда дверь, наконецъ, отворилась, бѣдная

дѣвушка почти упала на кондуктора. Вмѣстѣ съ нимъ мы внесли ее въ вагонъ.

Пассажиры окружили насъ и спрашивали— въ чемъ дѣло. Она никому не отвѣчала, оглянулась, схватила меня за руку, прильнула къ моему грязному полушубку и заплакала.

Странныя мысли были въ это время въ моей головѣ.

Я хорошо зналъ, что мы съ ней все-таки никогда болѣе не встрѣтимся, что она останется въ маленькомъ городкѣ, а я поѣду дальше. Зналъ, что она по возрасту годится мнѣ въ дочери и, вѣроятно, будетъ кого-то любить и будетъ любимой и не одинъ разъ... И, пожалуй, даже забудетъ многихъ изъ тѣхъ, кого любила, но меня никогда не забудетъ...

И было радостно и самому хотѣлось плакать.

Борисъ Лазаревскій.

Лѣтопись Общества 1914 года.

Два послѣднихъ общихъ собранія.

«Когда въ этомъ собраніи будетъ не 300 человѣкъ, какъ теперь, а каждый членъ приведетъ за собою десятки и сотни единомышленниковъ, когда благодаря пропагандѣ идеи общества проникнутъ въ плоть и кровь русскаго народа, — тогда настанетъ для насъ моментъ требовать очищенія русскаго правительства отъ нѣмцевъ», — такъ говорилъ весной на общемъ собраніи нашъ уважаемый товарищъ предсѣдателя, М. А. Карауловъ¹⁾.

Немного мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ. И два послѣднія общія собранія членовъ Общества 1914 года, 16 октября и 15 ноября, доказали, что призывъ Караулова не остался втунѣ. Небольшой залъ Петровскаго училища сталъ тѣснѣе для собранія. Александровскій залъ Городской думы собралъ на чрезвычайныя собранія 16 октября 850 человѣкъ и 15 ноября 920. Газеты отмѣчали рѣдкій по своему разнообразію составъ присутствовавшихъ. Военные мундиры смѣшались съ скромной блузой рабочаго. Въ залѣ были люди всѣхъ профессій, всѣхъ состояній, всѣхъ социальныхъ положеній. Въ толпѣ можно было замѣтить и англичанина, и француза, и даже японца. Среди ораторовъ были и православный священникъ-миссіонеръ, и еврей. Всѣ отгѣнки политической мысли въ Россіи. Обычные непримиримые враги, здѣсь встрѣтились на общей почвѣ. Тутъ и крайній правый членъ Совѣта, представитель союза русскаго народа, — послѣдній могоканъ «старого» совѣта, не пожелавшій подвергнуться риску переизбранія на новыхъ выборахъ. Тутъ и бывшій пилсесльбурецъ. Тутъ и желанный гость отдѣла пропаганды, издатель «Былого» В. Л. Бурдеевъ, Германъ Лопатинъ, и типичная фигура новаго предсѣдателя отдѣла пропаганды, народовольца Н. П. Кулябко-Корецкаго, всякое появленіе котораго на каеедрѣ встрѣчается громомъ рукоплесканій. Отдѣльно держатся группа правыхъ-трезвенниковъ, довольно бур-

¹⁾ См. № 5 «Извѣстій», стр. 21.

ная въ выраженіяхъ своего недовольства. Тутъ профессора кадетскаго толка. Горячіе эсъ-эры п скептически настроенные къ Обществу эсъ-деки. Нѣсколько изящныхъ дамскихъ туалетовъ глубокаго траура тонуть въ разношерстной, живой, волнуемой демократической по преимуществу массѣ.

При входѣ въ залъ барышни-канцеляршечки бойко торгуютъ изданіями Общества. Еще недавно за этимъ столикомъ сидѣла одна. Теперь ихъ 7, но и онѣ едва справляются съ работой растущаго не по днямъ, а по часамъ Общества. Вотъ энергичная сестра Л. Г. Самохоткина. Она только что вернулась съ фронта и уже успѣла организовать мастерскую для снабженія арміи перчатками и теплыми вещами. Она, какъ ураганъ, налетаетъ на тѣ или другія группы, съ призывомъ перейти отъ словъ къ дѣлу. И она вмѣстѣ успѣхъ: въ нѣсколько минутъ, но полтинникамъ, собираютъ «на перчатки» около 1000 рублей. Позабывшій, что онъ «начальство» на стражѣ, приставъ полковникъ Спиридоновъ вручаетъ сестрѣ однимъ изъ первыхъ четвертой билетъ. А вотъ еще оригинальная группа: председатель общаго собранія, депутатъ Карауловъ, помощникъ пристава Панковъ и секретарь совѣта. Они всѣ трое университетскіе товарищи и даже одноклассники. И здѣсь ихъ неожиданно свела судьба. «А помните, какъ мы студентами воевали съ начальствомъ», — вспоминаетъ Карауловъ. — «Да, вы и теперь все еще воюете», — отвѣчаетъ блюститель порядка, присланный защищать министра Протопопова. Замѣтимъ по секрету: въ рукахъ у пристава предписание градоначальника Балка немедленно донести о всемъ происшедшемъ, «привнявъ во вниманіе характеристику Общества, содержащуюся въ такомъ-то № журнала «Прусскій Гражданинъ»¹⁾.

Отличительной чертой двухъ послѣднихъ общихъ собраній была ихъ дѣловитость и дисциплина. И въ томъ и другомъ засѣданіи были острые вопросы: дѣло Протопопова въ связи съ «черной доской» и запросъ Н. П. Кулябко-Корецкаго объ отношеніи къ резолюціямъ прогрессивнаго блока объ отвѣтственномъ министерствѣ и темныхъ силахъ. И въ обоихъ случаяхъ собраніе явило такое спокойствіе, такую выдержку и такое *единодушіе*, что казалось, не узнаешь обычно бурную, разрозненную, горячую до ожесточенія тублику изъ отдѣла пропаганды, готовую растерзать и выбросить за окошко всякаго, противорѣчащаго ей взглядамъ. И только въ рѣшительный моментъ, когда председатель огласилъ постановленіе совѣта о занесеніи имени Протопопова въ «черную книгу», — раньше чѣмъ полиція успѣла сдѣлать жестъ протеста, — по Александровскому залу пронеслась буря аплодисментовъ. И когда читалась резолюція общаго собранія о солидарности съ Думой и телеграммы депутатамъ и Военному, и Морскому министерствамъ, — стѣны большого зала содрогнулись отъ овацій тысячной толпы... Но она замерла по первому мановенію руки председателя. Не было протестующихъ, ни возражений, ни поправокъ. Оказывается, «по ошибкѣ» голосовалъ «за» даже членъ совѣта Союза Русскаго Народа Барановъ, подавленный силой общаго единодушія и спохватившійся только на другой день.

Главный интересъ программы послѣднихъ общихъ собраній составляли три пункта. Во-первыхъ, исполненіе

¹⁾ А что содержалось въ этомъ номерѣ репентильнаго журнала, читатель знаетъ уже изъ афиши прошлаго выпуска, подѣ заглавіемъ: «Общество 1914 года подѣ надзоромъ».

резолюцій прошлыхъ общихъ собраній по вопросу о нахожденіи на русской государственной службѣ нѣмцевъ съ германфильскими симпатіями. Во-вторыхъ, вопросъ о сно общъ борьбы съ германфильствующими русскими савовниками, ставленниками «темныхъ силъ»¹⁾. Въ третьихъ, логическій выводъ изъ этихъ двухъ поставленныхъ ранѣе задачъ: вопросъ объ отношеніи «Общества 1914 года» къ резолюціи прогрессивнаго думскаго блока объ отвѣтственномъ министерствѣ и безответственныхъ вліяніяхъ.

Докладчикомъ по первымъ двумъ вопросамъ выступалъ въ собраніи 16 октября исполняющій обязанности председателя совѣта В. М. Добротворскій.

Третій вопросъ былъ выдвинутъ въ собраніи 15 ноября отдѣломъ пропаганды. Не смотря на постановленіе Совѣта не вносить его на повѣстку общ. собранія, совѣту пришлось высказаться и на эту, столь «деликатную» и «опасную» тему, и при томъ въ весьма торжественной и категорической формѣ, предѣ лицомъ общаго собранія. Виновникомъ этой нескромности, какъ сказано, былъ представитель отдѣла пропаганды; онъ поставилъ совѣту вопросъ коротко и ясно: «какъ относится высшій органъ Общества—Совѣтъ къ текущему моменту и какой отвѣтъ въ немъ нашли послѣднія рѣчи депутатовъ Милюкова и Маклакова». Поставить этотъ вопросъ значило, при теперешней политической конъюнктурѣ, отвѣтить на него. Вотъ почему важѣйшимъ моментомъ послѣдняго собранія былъ короткий запросъ Н. П. Кулябко-Корецкаго. Отвѣтъ могъ быть только одинъ. И совѣтъ, на *этотъ разъ*, имѣлъ мужество его дать. И не безъ достоинства. Онъ сказалъ, что Общество должно идти за Государственной Думой.

Такимъ образомъ, на двухъ послѣднихъ общихъ собраніяхъ мы отвѣтили сами себѣ на мучительный и тяжелый вопросъ, вопросъ, съ котораго начинались и на которомъ безплодно кончались длительные дебаты о программахъ и тактикѣ Общества.

По вопросу о томъ, противъ кого борется Общество, на собраніяхъ 16 октября и 15 ноября, былъ данъ не оставляющій никакихъ сомнѣній отвѣтъ. Борьба съ вѣмечскимъ заспаньемъ е. т. прежде всего борьба съ пруссацествомъ въ области *политической*. Она должна вестись *строго конституционно*.

Доколь на верхалъ русскаго правительства будутъ стоять люди съ прусскими тенденціями, воспитанные въ духѣ прусскихъ методовъ управленія и съ нескриваемыми антипатіями къ самой мысли о какой-либо отвѣтственности передъ народомъ, — до тѣхъ поръ нѣтъ надежды на побѣдоносный исходъ великой войны. Важѣйшимъ элементомъ побѣды является миръ и довѣріе въ тылу. Но ихъ нѣтъ и не можетъ быть, пока отсутствуетъ увѣренность, что люди, такъ тѣсно связанные съ Германіей то узами родства, то узами свойства, то единствомъ возрѣніи на русскій народъ и на конечныя задачи германизма, устанены отъ непосредственной близости къ организаціи совѣмъ не желанной для нихъ побѣды надъ своей основной родиной. «Общество 1914 года» не въ силахъ, но многими соображеніямъ, сразу подойти къ вопросу вплотную. Но пути уже намѣчены. Они указаны въ письмѣ совѣта въ Ставку отъ 17 іюня.

В. М. Добротворскій читалъ:

«Настоящая война вызвана не маніей величія Вильгельма II, а, вытекающая изъ непримиримаго столкновенія экономическихъ интересовъ, имѣетъ сверхъ того глубокіе корни въ горделивомъ самолюбіи всего германскаго

¹⁾ «Германо-холопамъ», какъ мы ихъ называемъ.

племени о своемъ превосходствѣ надъ всеми другими народностями и въ особенности надъ славянской расой. Поэтому выѣшняя война до известной степени—элементарная борьба; въ ней отъ борющихся сторонъ требуется всемирная энергія и чрезвычайное напряженіе силъ, которое могутъ проявить только чувства расовой розни.

Невозможно допустить, чтобы русскіе вѣмцы, заботливо воспитанные въ духѣ германскаго шовинизма, обратили свои чувства противъ своихъ же соплеменниковъ и положили душу свою для изысканія средствъ борьбы за Россію. Въ союзныхъ намъ странахъ, хотя бы въ Англии, подъ давленіемъ высоко развитаго общественнаго мнѣнія, всѣ лица нѣмецкаго происхожденія были вынуждены отстраниться отъ государственной и общественной дѣятельности на все время войны. Не то мы видимъ у насъ. Въ Россіи правительственные органы сверху до низу пропитаны нѣмецкимъ элементомъ, и до такой степени, что и по сейчасъ на русской государственной службѣ находятся лица, ближайшіе родственники которыхъ сражаются въ рядахъ австро-германской арміи (*восклицанія «баронъ Шиллинга»*. *Аплодисменты*).

Правящіе классы у насъ, повидному, мало озабочены необходимостью хотя бы нѣкотораго ограниченія этого зла. Напротивъ того, лица нѣмецкаго происхожденія и явно германскихъ симпатій и духа выдвигаются, какъ бы нарочно, на показъ (*крики одобренія*), командуются съ серьезными порученіями къ нашимъ союзникамъ, назначаются на ответственныя должности, даже имѣющія непосредственное отношеніе къ снабженію арміи, обезпеченію ея тыла и къ важнѣйшимъ государственнымъ тайнамъ.

Ослабляя, въ числѣ прочихъ причинъ, снабженіе нашей арміи, оставляя безъ должнаго обезпеченія ея тылъ, такая политика въ этомъ отношеніи для насъ въпросѣ систематически раздражаетъ чувства широкихъ массъ народа и грозитъ вызвать крупныя осложненія (*одобренія*).—Исторія доказала, что психология народа играетъ во время войны главную роль, — а примѣры необычайной осведомленности врага о явленіяхъ, которыя по своей природѣ должны составлять тайну, колеблютъ взаимное довѣріе въ странѣ, столь необходимое въ настоящее время.

Подобное положеніе не можетъ долѣе продолжаться. Необходимо устранить всѣхъ связанныхъ родствомъ съ нашими врагами лицъ отъ влияния на ходъ войны, и какъ можно скорѣе.

Этого требуетъ неотложность полнаго обезпеченія высокой мощи арміи; это необходимо для усилеи тыла и для предотвращения возможности всякаго рода осложненій. Правительство должно пойти на эту мѣру во имя любви къ родинѣ. Мы въ правѣ настойчиво желать, чтобы у насъ были немедленно удалены съ правительственной и общественной службъ ближайшіе родственники сражающихся съ нами нѣмцевъ, а также и всѣ лица германскаго происхожденія, съ нѣмецкими симпатіями и традиціями, если они занимаютъ должности, имѣющія прямое или косвенное влияние на дѣла государственной важности (*возгласы одобренія*).

Въ соответствии съ симъ, для обезпеченія большаго довѣрія къ мѣропріятіямъ власти и большей продуктивности въ ея дѣятельности, а главное для обезпеченія возможности полной и скорой побѣды надъ врагомъ, по мнѣнію «Общества 1914 года», представляется необходимымъ немедленное проведеніе слѣдующихъ мѣръ:

1) Увольненіе навсегда съ государственной или общественной службы лицъ нѣмецкой національности, родственниковъ воиновъ до 4-ой степени или свойственниковъ

до 2-ой степени включительно, состоятъ на службѣ австро-германскихъ державъ.

2) Установленіе уголовной ответственности какъ для виновныхъ въ сокрытіи означеннаго родства, такъ и для начальства упомянутыхъ лицъ, если оно, зная о такомъ родствѣ, не приметъ мѣръ къ удаленію ихъ отъ занимаемыхъ должностей.

3) Устраненіе всѣхъ лицъ нѣмецкаго происхожденія съ нѣмецкими симпатіями и традиціями по всѣмъ учрежденіямъ гражданскаго вѣдомства отъ всѣхъ должностей, могущихъ имѣть существенное влияние на успешный ходъ настоящей войны и на внѣшнія отношенія Россіи, а именно:

- а) на снабженіе арміи всѣмъ необходимымъ;
- б) на обезпеченіе страны денежными средствами, продовольствіемъ, топливомъ и перевозками;
- в) на поддержаніе нормальной жизни страны во всѣхъ ея отрасляхъ;
- г) на наши отношенія съ союзными и съ нейтральными державами (*возгласы одобренія*).

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ предлагаемая мѣра можетъ оказаться нарушающей интересы отдѣльныхъ лицъ, но эта кажущаяся несправедливость является совершенно ничтожной по сравненію съ тѣмъ зломъ, для устраненія котораго означенная мѣра безусловно необходима.

Советъ «Общества 1914 года», пребывая въ убѣжденіи, что незыблемое довѣріе страны къ правительству составляетъ вѣрнѣйшій залогъ побѣды, почитаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ представить вышеизложенное на благовозрѣніе Штаба Верховнаго Главнокомандующаго въ скромной надеждѣ, что голосъ Общества, быть можетъ, дойдетъ до **Верховной власти** (*бурные знаки одобренія*).

Собраніе слушало докладъ Б. М. Доброворскаго, выступившаго отъ имени совета, съ вкрадчивымъ вниманіемъ, подчеркивая отдѣльныя мѣста сдержанными знаками одобренія.

Читатели, конечно, помнятъ, что уже дважды собраніе въ этомъ вопросѣ расходилось съ советомъ. Въ тактикѣ, а не въ принципѣ. Собраніе требовало отъ совета рѣшительнаго шага: изложенія того, что содержалось въ прочитанномъ документѣ, *непосредственно тѣмъ, отъ кого зависѣло его осуществленіе*. Советъ находилъ, что практичнѣе слѣдовать строго конституціоннымъ путемъ. Записка была своевременно представлена въ штабъ Верховнаго Главнокомандующаго и въ штабъ Намѣстника на Кавказѣ. Она была передана членамъ Государственной Думы и Совету. Во многихъ тысячахъ распространена въ Россіи и на фронтѣ. Мысли ея должны проникать въ толпу народа (а можетъ быть и правительства, хотя на это надежды меньше), постепенно и безъ ненужныхъ потрясеній, подготавливая насъ къ часу національнаго освобожденія. Не станемъ угѣшать себя слишкомъ розовыми надеждами. Отъ насъ потребуется много выдержки, много терпѣнія и... много, много жертвъ. Но уже въ единичныхъ случаяхъ, въ той опредѣленной области, которую Общество сперва-на-перво избрало для медленной осады, — въ области совершенно онѣмеченной дипломатіи нашей, — несомнѣнно, достигнуты нѣкоторые частичные успѣхи. Стройное зданіе вѣковой нѣмецкой цитадели — Министерство Иностраннхъ Дѣлъ — надтреснуло и закачалось. Былъ вынужденъ уйти баронъ Шиллингъ, хотя бы и обласканный. Убрали Штюрмера, хотя бы теперь и оберъ-камергера, и даже оберъ-швицлера. Ушли всевозможные «берлинскіе гофмейстера» Арци-

мовичи, не сегодня-завтра уйдутъ Букстевденъ, Будбергъ, Клеммы. И во всякомъ случаѣ, возвратъ къ прежнему будетъ не возможенъ. Вы помните слова депутата Млютина, приглашающаго нѣмцевъ уйти самими? Они этого «не поняли». Остается создать для нихъ невозможную обстановку. И тогда они *сами* это сдѣлаютъ. Въ этомъ заключалась въ свое время тактика мудрыхъ китайцевъ, открывшихъ маньчжурамъ добровольный путь отступленія отъ власти.

* *

Второй вопросъ, разрѣшенный на общемъ собраніи 16 октября, былъ вопросъ объ учрежденіи «черной книги» и о занесеніи въ нее ряда именъ лицъ, русскихъ къ сожалѣнію, но находящихся въ услуженіи у «темныхъ силъ». Силы эти порождаются прусскимъ режимомъ безответственности и распускаются махровымъ цвѣткомъ въ русской обстановкѣ инертности и апатіи въ широкой массѣ общества. Насколько предательство нѣмцевъ, въ какія бы исключительныя условія они ни были поставлены въ Россіи, какими бы милостями они ни были одарены,—есть явленіе вполне объяснимое и даже естественное, настолько холопское угодничество предъ ними русскихъ, заглушившихъ въ себѣ русскій инстинктъ и голосъ крови, есть проявленіе возмутительное и противоестественное. «Общество 1914 года» не пожелало возвращаться къ варварскимъ эпохамъ самосуда, — хотя дальнѣйшій ходъ событій доказалъ, повидимому, целесообразность въ иныхъ случаяхъ позаметвованія примѣровъ изъ отдаленнаго прошлаго... Общество не хотѣло идти этимъ путемъ; оно хотѣло найти *не революціонный* способъ заклеить этихъ выродковъ и предателей своего народа. Способъ, быть можетъ, примитивный,—дѣтскій, если хотите. Способъ, который вызываетъ улыбку скептиковъ. Но способъ искренній. Все то, что въ данныхъ условіяхъ и *пока* можетъ сдѣлать русскій человекъ, и быть можетъ самое характерное и самое трагическое для нашей эпохи это какъ разъ то, что люди, которыхъ народъ заносилъ на свои черныя доски и въ черныя книги,—избирались тотчасъ вслѣдъ за сими въ его управители.

Китай, въ маньчжурскую эпоху, тоже знаетъ много случаевъ, когда палачъ или предатель почитался лояльнѣйшимъ слугою божественнаго и премудраго богдыхана. Но имена ихъ остались въ памяти народной...

И такъ, постепенно отъ *модей* и единичныхъ лицъ «Общество 1914 года» пришло къ *осады всей системы*. О томъ свидѣлствуютъ слѣдующія резолюціи общаго собранія 15 ноября сего года:

I.

Резолюція чрезвычайнаго общаго собранія членовъ «Общества 1914 года», 15-го ноября 1916 года.

«Общество 1914 года» считаетъ своимъ священнымъ долгомъ открыто выступить на борьбу съ безответственными германофильскими вліяніями въ Россіи, для противодѣйствія которымъ русскому народу необходимы слѣдующія условія:

- 1) Непрерывность работъ Государственной Думы въ теченіе войны.
- 2) Признаніе принципа ответственности министровъ передъ народными представителями, съ *парламентскимъ* контролемъ надъ вѣншей политикой.
- 3) Устраненіе съ государственныхъ постовъ нѣмцевъ и лицъ съ германофильскими тенденціями.

Общество приветствуетъ мужественныя выступленія членовъ Государственной Думы: *Ефремова, Караулова, Керенскаго, Маклакова, Милокова и Шульгина*, — положившія, будемъ надѣяться, конецъ политикѣ гофмейстера, нынѣ оберъ-камергера Штюрмера.

Общество выражаетъ благодарность министрамъ *Шуваеву и Григоровичу*, демонстративно подчеркнувшимъ свою солидарность съ Думой и разрывъ съ дореформенными методами безответственнаго управления.

II.

Телеграмма «Общества 1914 года» съ приветствіемъ депутатамъ, 15-го ноября 1916 года.

Здѣсь, Тавричскій дворецъ. Александру Федоровичу Керенскому.

То кдественныя телеграммы посланы: *И. Н. Ефремову, П. Н. Милокову, В. А. Маклакову, В. В. Шульгину* и письмо *М. А. Караулову*.

«Общее собраніе членовъ «Общества 1914 года» единодушными рукоплесканіями санкціоновало предложеніе Президіума Общества и Отдѣла Пропаганды выразить Вамъ чувство глубокаго уваженія за Ваше эвергичное выступленіе въ Государственной Думѣ съ общей оцѣнкой момента и условій, необходимыхъ для победы надъ враговъ, за Ваше смѣлое слово въ защиту народнаго представительства и ответственного министерства. «Общество 1914 года» считаетъ, что Ваше вѣское слово содѣйствовало слѣдн Штюрмера, не пользовавшагося и не пользующагося довѣріемъ ни страны, ни союзниковъ. Смѣло стойте за свободное развитіе свободной Россіи.

—*—

Отклики на привѣтствія «Общества 1914 года».

Отвѣтная телеграмма депутата В. А. Маклакова.

«Искренне благодарю за сердечный привѣтъ».

Маклаковъ.

—*—

Въ отдѣлѣ пропаганды.

Къ концу истекающаго года Отдѣлъ пропаганды насчитываетъ свыше 500 членовъ. Засѣданія отдѣла происходятъ два раза въ недѣлю, по воскресеньямъ и четвергамъ. При отдѣлѣ образованъ: «Комитетъ по обслуживанію дѣйствующей арміи перчатками и теплыми вещами»¹⁾, лекціонная комісія и художественно-литературный кружокъ. Послѣдній устраиваетъ въ пользу фонда комитета для изготовленія теплыхъ вещей два спектакля: 30-го декабря въ театрѣ «Комедія» (устроительница Кулябъ о-Корецкая) и 3-го января 1917 г. въ Залѣ Собранія Инженеровъ Путей Сообщенія (устроительница княгиня Л. В. Ваятинская-Яворская). Кроме того, въ февралѣ предлагается устройство specialнаго литературнаго вечера, посвященнаго памяти Артемія Волынскаго,—борца съ нѣмецкими вліяніями въ эпоху Вирова.

¹⁾ Завѣдующая дѣлами Л. Г. Самохоткина; секретарь Е. Н. Вайбородина.

27-го октября избранъ новый президиумъ Отдѣла Пропаганды въ составѣ:

Председатель *Ник. Шев. Кулябко-Корецкій*.

Замѣститель председателя *Арс. Ник. Вознесенскій*.

Товарищи председателя: *Иос. Влад. Аврамовъ*, д-р. *Алдр. Вас. Кордобовскій*, *Серг. Валер. Трояновскій*, *Вл. Петр. Цвѣтковъ*.

Секретари: г-жа: *Симонова*, гг. *Красовскій*, *Бородкинъ*.

Въ ноябрѣ и декабрѣ было 21 засѣданіе Отдѣла, въ томъ числѣ 2 засѣданія совмѣстныхъ съ иностраннымъ отдѣломъ и 1 засѣданіе совмѣстное съ представителями Совѣта.

Изъ докладовъ, сдѣланныхъ въ Отдѣлѣ, можно отмѣтить:

1) Г-на Бахманиса—«О русскомъ комитетѣ въ Стокгольмѣ».

2) Его же «Нѣмецкая агитація въ нейтральныхъ странахъ и вопросъ Курляндіи».

3) Доктора А. В. Кордобовскаго «Настоящая война, какъ пророческая тема Откровенія Іоанна Богослова, въ изложеніи современнаго мистика».

4) Л. Л. Рума «Объ истинной венависти».

5) С. В. Трояновскаго «Спасаются отъ окоповъ».

6) Унт.-офиц. Панасюка «Воспоминаніе о германскихъ звѣрствахъ».

7) Князя М. П. Пузына «Отвѣтственность и возмѣщеніе убытковъ за разрушеніе незащищенныхъ мѣстъ бомбардировкой съ воздушныхъ судовъ».

8) Депутата В. М. Пурпикевича «Текущій моментъ и Государственная Дума».

9) «Англичанка» (псевдонимъ) «Почему невозможно въ Россіи английское засилье».

10) А. Н. Вознесенскаго «Совѣщаніе А. Д. Протопова съ депутатами. Рѣчь П. Н. Милюкова 1-го ноябрю».

11) Его же «Преемственность въ русской вѣиной политикѣ. А. П. Извольскій—С. Д. Сазоновъ—Н. Н. Покровскій».

12) Г-жи М. В. Прокопе «Рѣчь депутата В. А. Маклакова въ Г. Думѣ».

13) Ея же «Положеніе русскихъ военнопленныхъ въ германскомъ плѣну».

14) Инженера Н. В. Емельянова «Продовольственный кризисъ».

15) Н. И. Кулябко-Корецкаго «О положеніи политическихъ ссыльныхъ и необходимости амнистіи».

16) Его же «Лекціи по исторіи Франціи» (будутъ продолжены въ 1917 году).

17) В. М. Добротворскаго «Дѣятельность Общества за послѣдній годъ и точка зрѣнія Совѣта на амнистію».

18) Депутата о. Митроцкаго «Объ уніатскомъ митрополитѣ Андрѣ Шелтицкомъ».

19) В. С. Панкратова «Объ использованіи сланца въ Прибалтійскомъ краѣ».

2) Доктора Р. Іовановича (серба) «О юго-славянъ».

Среднее число посѣтителей собраній отдѣла пропаганды составляло въ общемъ 150 человекъ—въ четверговыя засѣданія, и отъ 180 до 200—въ воскресныя. Недостатокъ помѣщенія даетъ себя сильно чувствовать. На многія засѣданія слушатели не находили мѣсть, и длинная вереница желающихъ проникнуть въ помѣщеніе О-ва толпилась на лѣстницѣ дома. Предложеніе Совѣта пользоваться наемнымъ помѣщеніемъ (въ Центральномъ банкѣ) не могло быть осуществлено, вслѣдствіе непреодолимыхъ формальностей, ставившихся каждымъ разъ градоначальникомъ.—Въ будущемъ предполагается устраивать разъ въ мѣсяцъ публичное собраніе отдѣла въ залѣ городской думы.

Совѣтъ и отдѣлы.

Собранія отдѣла пропаганды привлекали представителей многихъ газетъ. Поэтому отчеты о большинствѣ засѣданій отдѣла своевременно появлялись какъ въ столичной, такъ въ московской и провинціальной повременной печати. Разумѣется, отдѣлъ не стѣнялъ свободы освѣщенія своей дѣятельности той или другой газетой, но и не являлся отвѣтственнымъ за точность передаваемыхъ отчетовъ.

Все важнѣйшія резолюціи отдѣла пропаганды поступали на разсмотрѣніе въ Совѣтъ.—Какъ извѣстно, нѣрѣдко въ совѣтѣ не раздѣляются та или иная точка зрѣнія отдѣловъ. Нѣкоторыя резолюціи изъ нихъ, какъ напримѣръ: объ установленіи «черной доски» и занесеніи на нее ряда именъ; по дѣлу А. Д. Протопова; по вопросу объ амнистіи вызвали неудовольствіе въ Совѣтѣ. Другія, по настоянію Совѣта, пересматривались. Такъ, напримѣръ, по вопросу о занесеніи въ «черную книгу» именъ сотрудниковъ газеты «Русская Воля» резолюція отдѣла по формальнымъ соображеніямъ (недостаточной мотивировкѣ) была возвращена отдѣлу, и отдѣлъ, подвергнувъ ее пересмотру по существу,—отказался отъ своего постановленія.

За послѣднее время, однако, въ Совѣтѣ замѣчалась тенденція сгруппировать кругъ дѣятельности этого наиболее живого и самаго многочисленнаго отдѣла Общества. Было даже предложено временно совершенно закрыть отдѣлъ. Коренное расхожденіе Совѣта съ отдѣломъ по вопросу объ амнистіи и съ общимъ направленіемъ дѣятельности послѣдняго, а также раздѣляемое нѣкоторыми другими отдѣлами мнѣніе отдѣла пропаганды, что настоящій Совѣтъ, благодаря присутствію въ немъ консервативной группы лицъ изъ прежняго состава, не является выразителемъ взглядовъ большинства общества,—вызвало внутренній кризисъ въ обществѣ.

Вотумъ недоверія Совѣту.

Собраніе отдѣла 11-го декабря с. г. единогласно постановило просить Совѣтъ подвергнуться переизбранію на новыхъ выборахъ, создавъ ихъ въ возможно ближайшее время, такъ какъ, по мнѣнію отдѣла,—интересно отмѣтить, что въ числѣ голосовавшихъ были также нѣкоторые члены Совѣта,—Совѣтъ въ своемъ плѣломъ не является болѣе выразителемъ взглядовъ большинства членовъ общества.

15-го декабря къ резолюціи отдѣла пропаганды присоединился иностранный отдѣлъ, постановивъ: «Иностранный отдѣлъ единогласно постановилъ выразить свое неизмѣнное довѣріе членамъ Совѣта г.г. Пагулье (французъ) и Вильтону (англичанинъ), но просить остальныхъ членовъ совѣта подвергнуться переизбранію въ ближайшемъ общемъ собраніи членовъ Общества».

22-го декабря къ резолюціи Отдѣла Пропаганды присоединился Торгово-Промышленный Отдѣлъ и, не смотря на талантливую оппозицію председателя Отдѣла Л. Л. Рума и его товарища А. Е. Богдановскаго, единогласнымъ, полемическимъ вотумомъ потребовалъ новыхъ выборовъ.

Несмотря на существующее въ Совѣтѣ довольно сильное теченіе въ смыслѣ игнорированія вотумовъ Отдѣловъ,—Совѣтъ не могъ не считаться съ такъ единодушно проявленной волей важнѣйшихъ органовъ Общества и назначилъ Общее собраніе на 14-е января 1917 г.

Новый министр иностранных дѣлъ и „Общество 1914 года“.

1-го декабря состоялись засѣданія Совѣта и отдѣла пропаганды посвященныя вопросамъ внѣшней политики. И тутъ, и тамъ обсуждалась одна и та же тема: о мирныхъ предложеніяхъ. Германія въ связи съ перемѣной на посту руководителя русской внѣшней политики.

Въ отдѣлѣ пропаганды Арс. Вознесенскимъ былъ сдѣланъ обзоръ дѣятельности русской дипломатіи за періодъ, слѣдовавшій послѣ японской войны. Докладчикъ указалъ, что въ противоположность нашей внутренней политикѣ, мѣняющейся съ каждымъ новымъ министромъ, русская внѣшняя политика, начиная съ 1906 года, являетъ примѣръ болѣе напоминающей западно-европейскія конституціонныя страны. **Заслуга постановки вѣрнаго курса нашей внѣшней политики принадлежитъ нынѣшнему послу въ Парижѣ А. П. Извольскому.** Соглашеніемъ съ Японіей и Англіей онъ ослабилъ нашу зависимость отъ Берлина и ввелъ Россію въ кругъ передовыхъ европейскихъ державъ. Онъ ушелъ, однако, съ министерскаго поста раньше, чѣмъ предполагалъ, не увидѣвъ непосредственныхъ плодовъ своей разумной дѣятельности. Продолжателемъ Извольскаго, С. Д. Сазоновъ, на первомъ порахъ, стремясь повидимому укрѣпить свое положеніе, сдѣлалъ легкій уклонъ въ сторону Германіи и берлинскаго двора. Потсдамское свиданіе. Персидскій вопросъ. Обманутыя надежды на прекращеніе нѣмецкихъ интригъ въ Царьградѣ. Вотъ были первыя ласточки, возвѣщавшія, что «клубокъ исторіи», который, по ожиданіямъ Сазонова, долженъ былъ «завиться и заставить позабыть недавніе слѣды русскогерманскихъ трений», на самомъ дѣлѣ не такъ-то ужъ скоро завивался, и во всякомъ случаѣ вертѣлся только съ русской стороны. Попытки Сазонова наладить добрыя отношенія съ Берлиномъ неизмѣнно оканчивались для русскаго министра—западной¹⁾. Сазоновъ прозрѣлъ лишь тогда, когда предъ нами стояла уже дилемма: либо новое униженіе, либо вооруженное столкновеніе съ Германіей. Но не угасилъ еще въ Сазоновѣ русскій инстинктъ вывелъ его на правильный путь. И этотъ человѣкъ, окруженный нѣмцами и германо-холопами, создавшими особый потсдамскій кулуаръ у Півчесскаго моста, гдѣ ничего не дѣлалось иначе, «какъ въ Берлинѣ», гдѣ даже чиновники расдѣивались съ точки зрѣнія ихъ «благонадежности и приверженности» различнымъ внѣ-потсдамскимъ нѣмцамъ и нѣмцамъ, — этотъ «der kleine» Сазоновъ! — и въ немъ проснулася русская душа. Не сходясь съ англичанами, за время своего пребыванія въ качествѣ совѣтника нашего посольства въ Лондонѣ, — Сазоновъ теперь сталъ поклонникомъ Англіи. Презирая славянъ, онъ сталъ славянофиломъ. Единственно, отъ чего онъ не могъ избавиться, такъ это отъ нѣмецкихъ Шваллинговъ, отъ которыхъ впрочемъ его изгнала въ концѣ концовъ отставка.

Замѣститель Сазонова — Штюрмеръ былъ человѣкъ богобоязненный и чрезвычайно любилъ русскія фамиліи. Но, любя православную вѣру и русскія племена, онъ не зналъ почему потянулся въ сторону Берлина. Будучи съ юныхъ лѣтъ поклонникомъ Ордынъ-Напокина, онъ, сдѣлавшись министромъ, восчувствовалъ нѣжность къ Бюлову. И страстно оберегая русскіе интересы, въ то же

время при посредствѣ своего сына и Булацеля провоцировалъ нашихъ союзниковъ. Короче говоря, при коренномъ русскомъ человѣкѣ Штюрмерѣ отказались ратифицировать, не разрѣшили даже опубликованія протоколовъ парижской экономической конференціи союзниковъ 14—17 іюня 1916 года, чтобы не приучать понапрасну русскій слухъ и глаза къ мысли о платонической дружбѣ съ яkobинцами. Борьба Штюрмера съ «английскими притязаніями» могла бы завести насъ очень далеко, если бы случайный конецъ не положилъ предѣлы его рвенію къ защитѣ Россіи отъ союзниковъ.

Новый министр Н. Н. Покровский, по мнѣнію докладчика, внѣ всякаго сомнѣнія вернетъ нашу внѣшнюю политику въ прежнее русло. Онъ имѣетъ предъ своими предшественниками то преимущество, что ближе ихъ знакомъ съ экономическими вопросами и свободенъ отъ ненужной дипломатической рутинны, отъ которой въ особенности страдаютъ русскіе дипломаты. Русская государственность не создаетъ не только что геніевъ, но даже и крупныхъ людей; но въ наше время мы должны благодарить судьбу, что во главѣ дипломатическаго вѣдомства нашелся хоть просто честный русскій человѣкъ.

Въ Совѣтѣ говорили о новомъ министрѣ А. Н. Брянчанниковъ и Е. А. Плансонъ-Ростковъ, подчеркивавшие какъ несомнѣнную его полезность по отношенію къ нашимъ союзникамъ, такъ и извѣстную твердость въ проведеніи въ жизнь началъ парижской экономической конференціи, этого перваго звена нашего будущаго союза для «войны послѣ войны», обуславливающаго окончательную экономическую (безъ которой не можетъ быть полной) побѣду надъ Германіей.

Совѣтъ принялъ слѣдующій текстъ пріветственной телеграммы новому министру, съ указаніемъ на отпущеніе «Общества 1914 года» къ германскимъ предложеніямъ мира¹⁾:

Н. Н. Покровскому,

министру Иностраннѣхъ Дѣлъ.

«Пріветствую Ваше названіе, какъ соавтора резолюцій Парижской экономической конференціи, на отпущеніе Россіей постъ министра Иностраннѣхъ Дѣлъ, совѣтъ Общества находитъ, что предложенія о мирѣ, сдѣланныя противникомъ черезъ нейтральныхъ, представляются *жестомъ неискренности*, а потому и не заслуживающимъ отвѣта, доколь противникъ не формируетъ конкретныхъ предложеній, восстанавливающихъ поправныя права народовъ и гарантирующихъ установленіе прочнаго мира въ мірѣ».

Копія телеграммы была препровождена на имя председателя Государственной Думы при письмѣ, въ которомъ совѣтъ выражалъ надежду услышать въ ближайшемъ будущемъ авторитетныя разъясненія новаго министра съ парламентской каѳедры.

Въ общемъ, кажется, назначеніе Н. Н. Покровскаго было первымъ, принятымъ въ массѣ членовъ Общества безъ явнаго недоумѣнія.

¹⁾ Бидерманъ Вехтеръ, смѣясь, употреблялъ по отношенію къ своему партнеру—Сазонову глаголъ «übergrreifen» — «объхватывать», и называлъ Сазонова не иначе, какъ «der kleine».

¹⁾ Въ редакціи А. Н. Брянчанникова.

Декларация Парижской экономической конференции 14—17 июня 1916 года.

Представители союзных правительств собрались в Париж под председательством министра торговли М. Клемантеля 14, 15, 16 и 18 июня 1916 г., чтобы выполнить поручение, данное им конференцией 28 марта 1916 г., о проведении в жизнь их солидарных интересов и видов и предложить союзным правительствам меры для осуществления этой солидарности.

Они констатируют, что, навязав им войну, несмотря на все их усилия отклонить столкновение, центральные европейские империи, в согласии со своими союзниками, готовят борьбу экономическую, которая не только переживет войну, но примет еще большую напряженность и широту.

Они не могут поэтому скрывать от себя, что соглашения, которые готовятся в этом смысле, имеют очевидную целью установить *исходство их над промышленностью и рынками* и навязать другим странам свою неприемлемую гегемонию.

Перед лицом такой серьезной опасности представители союзных правительств полагают, что на обязанности последних, в заботе о необходимой и законной обороне, принять и осуществить отныне и все меры, которые, с одной стороны, обезпечат для них и для совокупности рынков всех нейтральных стран полную экономическую независимость и уважение к здоровым торговым обычаям, а, с другой, помогут организации постоянного экономического единения союзников.

В этом смысле делегаты предлагают союзным правительствам нижеследующую резолюцию:

Меры для военного времени:

I. Законы и правила, запрещающие торговлю с неприятелем, будут согласованы.

A. Для этой цели:

а) Союзники запретят своему населению и всем проживающим на их территории всякия торговли сношения;

1) с жителями неприятельских стран, какова бы ни была их национальность;

2) с подданными неприятельских стран, где бы они ни проживали;

3) с лицами и коммерческими домами и обществами, деятельность которых находится под контролем, общим или частичным, подданных неприятельских государств, или под влиянием врага, и которые будут занесены в специальные списки.

б) Союзники запретят привоз к себе всех товаров из враждебных стран.

в) Они обсудят установление такого порядка, который даст возможность к простейшему расторжению договоров, заключенных с подданными неприятеля, вредных для национальных интересов.

II. Все коммерческие дома на территории союзников, принадлежащие подданным неприятеля или им эксплуатируемые, будут секвестрованы или подчинены контролю. Будут приняты меры для ликвидации некоторых известных из этих домов и принадлежащих им товаров, причем суммы, вырученные от их реализации, будут секвестрованы или останутся под контролем.

III. Помимо запрещения вывоза в интересах внутреннего положения каждого из союзников, последние примут дополнительные меры как в метрополиях, так и в их владениях, в области находящихся под их протекторатом и в коло-

ниях против снабжения неприятеля продовольствием:

1) объединив перечень наименований военной контрабанды и запрещенный вывоза и особенно запрещающий вывоз всех товаров, объявленных как военная контрабанда, абсолютная или условная;

2) подчинив разрешение вывоза в нейтральных государствах, откуда может быть произведена переправка товаров на неприятельские территории, или имъюющим в нейтральных странах контрольным учреждениям союзников, а в случае неимения таковых—другими гарантиями, как например ограничением вывоза известным количеством товаров, подчинив их наблюдению консульских агентов и проч.

Меры переходныя

на период коммерческого, промышленного, сельскохозяйственного и морского восстановления союзных стран.

I. Объявляя свою солидарность в деле восстановления областей, сделавшихся жертвами разрушения, грабежа и чрезмерных реквизиций, союзники изыщут сообща меры к возмещению этим странам, преимущественно перед другими, их материалов промышленного оборудования и земледельческого и прокорма скота, а также к *возрождению их торгового флота*.

II. Признавая, что война прекратила силу всех торговых договоров, которые связывали их с неприятельскими странами, и что в период экономического восстановления, который наступит после прекращения враждебных действий, чрезвычайно важно, чтобы свобода действий ни одного союзника не была стеснена притязаниями военных противников на применение к ним *принципа наиболее благоприятствуемой нации*, выгоды настоящего соглашения не могут быть предоставлены этим державам в течение известного числа лет, которое будет определено союзниками. Союзники обязуются взаимно обезпечить в течение того же периода и в возможном размере—*компенсирующий отпуск товаров*, в случае если применение обязательств, принятых в предыдущем параграфе, повлечет невыгодные результаты для их торговли.

III. Союзники заявляют о своем согласии сохранять для союзных стран свои природные ресурсы в течение периода восстановления в них торговли, промышленности, сельского хозяйства и мореходства и *обязуются установить специальные соглашения для облегчения обмена этими ресурсами, т. е. водный транспорт*.

IV. В целях защиты своей торговли, промышленности, сельского хозяйства и мореходства против экономического вторжения, при помощи *dumping* или иных незаконных способов конкуренции, союзники решили вступить в соглашение для установления времени, в течение которого торговля неприятельских государств будет подчинена особым правилам, и товары, вырабатываемые этими странами, будут подлежать запрещению или особому режиму. Союзники вступят также дипломатическим путем в соглашение относительно *установления специальных правил для неприятельских судов в течение указанного выше периода*.

V. Союзники изыщут общия или частныя меры для воспрепятствования на их территории подданным неприятельских государств заниматься известной промышленностью или профессией, затрагивающей интересы государственной обороны или экономической свободы страны.

(Окончание следует).

Издательство: «Общество 1914 года»,
в лицъ Б. М. Добротворскаго.

Редакторъ Б. М. Добротворскій.

„ОБЩЕСТВО 1914 ГОДА.“

Борьба съ нѣмецкимъ засильемъ и возрожденіе Россіи.

Петроградъ, Садовая ул., 32. Телефонъ. 273-61.

Насталъ часъ веѣмъ встать на защиту родины!

Кому не суждено быть въ рядахъ нашей доблестной арміи, тотъ долженъ защищать родину внутри страны. Какой бы работой Вы ни занимались,—идите къ намъ и боритесь вмѣстѣ съ нами.

Сила нѣмцевъ въ ихъ сплоченности. Объединимся и мы, чтобы сломить эту силу.

Около двухъ лѣтъ назадъ было основано «Общество 1914 года». Оно названо такъ, чтобы навѣки закрѣпить въ памяти русскаго человѣка великую годину войны за національное освобожденіе.

За время своего существованія «Общество 1914 года»:

- 1) добилося пересмотра закона 2-го февраля 1914 года о ликвидаціи нѣмецкаго землевладѣнія,
- 2) поставило на очередь ликвидацію нѣмецкихъ торговопромышленныхъ предпріятій,
- 3) добилося законопроекта о контролѣ частныхъ банковъ, спекулировавшихъ въ интересахъ Германіи съ продуктами первой необходимости,
- 4) охранило интересы рабочихъ отъ нѣмецкой провокаціи и очистило самый большой русскій заводъ, работающій на оборону, отъ нѣмецкаго засилья,
- 5) протестовало противъ снабженія русскимъ хлѣбомъ нашего врага, получавшаго наши продукты подъ предлогомъ вывоза въ Румынію и Швецію,
- 6) защищало путь изъ Сибири на Мурманъ къ свободному морю въ противность нѣмецкому проекту желѣзной дороги къ замерзающему порту,
- 7) требуетъ удаленія съ государственной и общественной службы лицъ германскаго происхожденія, родственники коихъ сражаются въ австро-германскихъ арміяхъ.
- 8) требуетъ отвѣтственнаго министерства и парламентскаго контроля за внѣшней политикой.

При Обществѣ независимо функционируютъ:

- 1) «Сельско - Хозяйственное общество 1914 года»,
- 2) «Ремесленный отдѣлъ 1914 года»,
- 3) «Кооперативъ Общества 1914 года»,
- 4) «Бюро печати 1914 года»,
- 5) «Кустарный Отдѣлъ 1914 года»,
- 6) «Книгоиздательство 1914 года».

Уставъ Общества утвержденъ Правительствомъ 5 Декабря 1914 года. Членами Общества могутъ быть всѣ правоспособные совершеннолѣтніе обоюго пола русскіе подданные безъ различія состоянія, имѣющіе по дѣйствующимъ узаконеніямъ право вступать въ Общества и Союзы, за исключеніемъ лицъ нѣмецкаго происхожденія (§ 6). Дѣйствительными членами состоятъ лица, принятые въ качествѣ таковыхъ въ составъ Общества Совѣтомъ и уплачивающія ежегодно свой членскій взносъ въ размѣрѣ не менѣе трехъ рублей (§ 11).

ПЕТРОГРАДЪ, САДОВАЯ, 32.

ТРИ рубля

никого не разорять!

Десятки тысячъ новыхъ членовъ и ихъ рублевыхъ взносовъ дадутъ Обществу 1914 года необходимую силу и вѣсь въ борьбѣ съ безотвѣтственными нѣмецкими вліяніями въ Россіи.

Подумайте, что въ Германіи ВЪ ОДНУ НЕДѢЛЮ общество для борьбы съ славянами собрало 32.000 членовъ; британская противо-нѣмецкая лига имѣетъ уже 96 провинціальныхъ отдѣленій; ни одинъ французъ не посылаетъ на фронтъ письма безъ марки противо-нѣмецкой лиги.

Неужели же мы остановимся на 6.000 членахъ?!

Идите и агитируйте!

Каждая сотня новыхъ членовъ—ударъ по нѣмцамъ.

Выписывайте сами и всячески распространяйте журналъ и изданія Общества, разносите повсюду его плакаты—и мы будемъ не хуже нашихъ друзей!

Сотня плакатовъ	4 р. — к.
Тысяча „	35 „ — „
И. И. Сергѣевъ: «Мирное завоеваніе Россіи нѣмцами». 2-е изданіе	— „ 45 „
Кн. С. П. Мансыревъ: «Нѣмецкое землевладѣніе»	— „ 25 „
Сотня открытыхъ писемъ Общества	5 „ — „